

Валерия Вербинина
Фиалковое зелье

Адъютанты удачи

Валерия Вербинина

Фиалковое зелье

«Автор»

2012

Вербинина В.

Фиалковое зелье / В. Вербинина — «Автор»,
2012 — (Адьютанты удачи)

ISBN 978-5-699-56846-8

Секретному агенту особой службы Полине Серовой дали ответственное поручение – она должна узнать, что скрывается за исчезновением письмоводителя из российского посольства в Вене. Почему мелкий чиновник привлек к себе столько внимания? За этим незначительным на первый взгляд событием может таиться серьезная угроза интересам Российской империи... Министр внутренних дел даже отправил двух других агентов, призванных отвлекать внимание от расследования Полины: утонченного Владимира Гиацинтова и силача Антона Балабуху. Но эти господа не пожелали играть роль ширмы – они рьяно принялись за дело, и вскоре миссия Полины оказалась под угрозой срыва. А как отвлечь внимание мужчин? Только заставить их соперничать друг с другом за любовь прекрасной женщины...

ISBN 978-5-699-56846-8

© Вербинина В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерия Вербинина

Фиалковое зелье

Глава 1

*Этюд в разноцветных тонах. – Неожиданная встреча
старых знакомых. – Невыразимые страдания одного кресла. –
Полет гусара и прискорбный конец вкуснейшего бланманже.*

Как известно, грусть бывает разного цвета. Есть светлая печаль – легкое и незамутненное чувство, которое порою навещает нас в прелестные осенние дни. Есть черная меланхолия, змеей обвивающая сердце и не дающая даже вздохнуть свободно. И, наконец, есть зеленая тоска, при которой хоть волком вой – все едино.

В тот миг, когда начинается наше совершенно правдивое повествование, Владимир Сергеевич Гиацинтов пребывал именно в зеленой тоске, для которой, надо сказать, у него имелись все основания.

Владимир Гиацинтов был молод, отменно хорош собой, отличался завидным здоровьем и непринужденными манерами. И несмотря на все это, он был чудовищно, невероятно несчастен. В волнении покусывая пальцы, он съезжился на пыльном стульчике в приемной военного министра Чернышёва и ждал решения своей участи. Величественные лакеи, скользившие по паркету, обливали молодого человека презрительно-жалостливыми взглядами, которых он, однако, почти не замечал.

Его нервы были так напряжены, что он даже вздрогнул, когда внезапно отворилась входная дверь и в приемную протиснулась еще одна фигура. Это был, судя по его выправке, офицер лет двадцати семи или около того, одетый в партикулярное платье. Войдя, он покрутил головой, смущенно прочистил горло и пригладил темные пышные усы. Широкоплечий, массивный и при этом очень высокий, он словно заполонил собою всю приемную, отчего сразу же стало казаться, что в просторном полупустом помещении слишком мало места. Тяжело ступая, незнакомец приблизился к Владимиру, который в изумлении приподнялся с сиденья ему навстречу.

– Ба, Антон Григорьевич! Вот так встреча! Какими судьбами?

– Ну, я что... – забормотал здоровяк, крепко пожимая тонкие пальцы Гиацинтова, которые почти полностью утонули в его могучей длани. – Прибыл, гм... По высокому приказу. – Он выразительно покосился на дверь кабинета военного министра, по обеим сторонам которой наподобие часовых вытянулись в струнку два лакея, и опустил в кресло рядом с Владимиром.

Несчастное кресло, которое за время своего существования видело всякие зады – и чугунные, объемистые, и обыкновенные, ничем не выдающиеся, и хлипкие, отошавшие от беспорочной службы государю, – издало протестующий скрежет и зашлось в предсмертном хрипе. Гигант насупился и, поерзав на сиденье, кое-как примостился на его краешке.

– Ну а ты как? – спросил он у Гиацинтова.

На лицо Владимира набежало облачко.

– А я... – Молодой человек развел руками и выдавил из себя мученическую улыбку. – Я тут тоже по высокому приказу, да.

– Ишь ты! Небось к очередной награде представляют? – осведомился его собеседник с ноткой зависти в голосе, дернув себя за ус.

– Какое там! – тоскливо ответил Владимир. Он оглянулся, не слышит ли их кто, и понизил голос. – Чувствую я, придется мне сегодня того, брат Балабуха. В крепости ночевать.

Балабуха так удивился, что даже выпустил свой ус.

– Да ну? Так ты что, проштрафился?

– То-то и оно, – вздохнул Гиацинтов. – Все документы потерял, все! А в них... – Он с горечью махнул рукой. – Документы-то были вовсе не простые! Так что придется мне за них отвечать по полной. А у тебя как дела?

Гигант засмутился, закручинился и порозовел лицом.

– Да что у меня... – невнятно пробубнил он. – Плохо все, брат Владимир Сергеич! – в порыве отчаяния выпалил он. – Так что по всему выходит, будем мы скоро с тобой в соседних казематах сидеть.

– В самом деле? – ахнул Владимир. – Так ты что, тоже... не справился с поручением?

Балабуха тяжело вздохнул и принялся выщипывать свой второй ус.

– Не гожусь я для этой службы, – жалобно промолвил он наконец. – Ну совсем не гожусь, Владимир Сергеевич! Больно все в ней, зараза, хитро устроено. Не разберешь, где друг, а где враг, кто врет, а кто правду говорит. Я как того немца за горло взял, так и придушил его немножко. Ну, самую малость. Думаю, сейчас ты у меня быстро сознаешься, шучий сын, кто тебя к нам заслал и зачем. А немец оказался никакой не иностранный эспьон¹, а наш же собственный осведомитель. А я его, значит, за горло. Да!

– До смерти придушил? – с трепетом спросил Гиацинтов.

– То-то и оно, что нет, – отозвался Балабуха уныло. – Настоящего-то гада-лазутчика я проворонил, а этот, фон Книппер, чтоб ему пусто стало, накатал на меня здоровенную реляцию куда следует. Даже и подумать теперь боюсь, что будет. Это ведь у меня не первая неудача вовсе.

– У меня тоже, – заметил Владимир, ощущая внезапный прилив симпатии к этому огромному чудаку. – Зря я доверился в прошлый раз той женщине, зря. Это ведь она мне снотворное в вино подсыпала, как только я отвернулся. Больше просто никто не мог этого сделать.

– Я как-то тоже на таком деле обжегся, – доверительно признался Балабуха. – И меня, кстати, тоже баба вокруг пальца тогда обвела, чтоб ей пропасть.

И они стали вполголоса обсуждать свои неудачи, где неизменно фигурировали секретные поручения, засады, не предназначенные для чужих глаз документы, двуличные красавицы, стычки, попытки подкупа и обманщики всех мастей. Ибо по профессии наши собеседники были офицерами Особой службы, которую незадолго до того создали специально в помощь разведке. Подразумевалось, что Особая служба будет брать на себя те миссии, которые связаны с чрезвычайными рисками и опасностями, то есть задания повышенной сложности. Для таких заданий, конечно, следовало искать людей, до мозга костей преданных отечеству, а кроме того, рискованных, дерзких, храбрых и умных. Вполне естественно, что если служба именуется Особой, то и служить в ней должны лишь особые, исключительные люди.

Увы, нигде теория и практика так не расходятся, как в Российской империи, и ни в одной стране мира самые благие замыслы не оборачиваются такой чепухой, что даже молвить стыдно. Конечно, поговорка о дороге сами знаете куда и благих намерениях, которыми она вымощена, имеет вроде бы универсальный характер, но российский ад, куда ведут российские благие намерения, должно быть, создавался по особой мерке, с особым вкусом и фантазией, и таким чертом, который не пожалел для этого ни времени, ни сил.

Словом, когда военный министр дал поручение искать для новоиспеченного ведомства сотрудников среди зарекомендовавших себя военных, выяснилась поразительная вещь: все, кто более или менее подходил для секретной работы, были позарез нужны на местах, а те, кого

---

¹ Шпион (франц. *espion*).

полковое начальство соглашалось отпустить в столицу, обладали какими угодно качествами, кроме тех, которые могли пригодиться в Особой службе. Проще говоря, графу Чернышёву норовили всучить всякий хлам, как в мелочной лавке, где торгуют залежавшимся товаром. Не помогали ни приказы, ни распоряжения, ни увещевания, ни взывания к патриотическому долгу и верности царю и отечеству. На словах все заверяли министра, что немедленно!.. срочно!.. сей же час предоставят в его распоряжение лучших, проверенных, надежнейших офицеров. На деле к нему присылали тех, от кого давно хотели избавиться: скандалистов, записных шулеров, несчастливцев, чем-либо запятнавших свою честь, и так далее. А так как люди Особой службе были нужны позарез, приходилось поневоле выбирать из того, что оказывалось в наличии в настоящий момент. Так сказать, брать лучшее из худшего.

В конце концов граф Чернышёв, как умный человек, нашел выход из сложившегося положения и даже ухитрился обернуть к своей пользе многочисленные недостатки своих будущих сотрудников. Тем, кого он все-таки принял в Особую службу, он давал понять, что недремлющее отечество дает им шанс искупить свою вину, мнимую или истинную. Ведь, не будь Особой службы, они угодили бы в крепость, а не то с треском были бы разжалованы и вовек опозорены. Кроме того, граф не стеснялся намекать, что если его подопечные окажутся не на высоте, им до конца своих дней придется обживать шлиссельбургские или иные казематы, а не то сменить место жительства на места, чрезвычайно отдаленные от обеих столиц.

По мысли находчивого графа, человек, оказавшись под угрозой заточения либо ссылки, неминуемо должен был проявить – и проявлял – чудеса находчивости, лишь бы только выполнить данное ему поручение. Однако, как уже известно читателю, не все офицеры Особой службы оказывались настолько расторопными, и поэтому Гиацинтов с Балабухой, по несчастливому стечению обстоятельств провалившие все свои миссии, имели все причины опасаться для себя самого худшего.

Почти смирившись с неизбежным, они сидели и, вздыхая, толковали о преимуществах различных крепостей и их влиянии на моральный дух узников. Вскользь были также упомянуты Сибирь, отправка на Кавказ рядовым и лишение дворянского состояния. Впрочем, Балабуха склонялся к тому, что жить можно везде, и даже в Сибири, где тоже имеются люди, и ничего, существуют же как-то. Владимир не соглашался с ним, утверждая, что жить и просто существовать – вещи разные и вообще жизнь без свободы в принципе не имеет смысла. После чего они стали перечислять известных им товарищей по Особой службе, большинство из которых оказались весьма удачливы на новом поприще, и незаметно погрузились в воспоминания о прошлом и о том, каким образом сами Гиацинтов и Балабуха попали сюда. Именно в обстоятельствах зачисления с наибольшей полнотой нашли свое выражение характеры наших героев.

Красивый, изящный, с тонкими чертами лица, Владимир Гиацинтов по натуре был неисправимым мечтателем, романтиком, смотревшим на мир широко распахнутыми глазами. Циничный мир, многое перевидавший на своем веку, смотрел на Гиацинтова как на восторженного простачка и даже хуже – дурачка, которого грех не обмануть. Поручик Ростислав Никандрович Телепухин оказался вполне достойным представителем этого мира. Сначала он пил за счет Гиацинтова, громогласно величал его своим другом и снисходительно похлопывал по плечу. Вероятно, молодой идеалист сильно удивился бы, узнав, как за спиной «лучший друг» Телепухин передразнивает речь Владимира, его манеры и поведение на потеху товарищам по казарме. Но Гиацинтов ничего не замечал и ничего не заподозрил даже тогда, когда однажды ночью друг ввалился к нему с подозрительно блестящими глазами и стал плести какую-то наскоро сочиненную историю о невесте, на которой он, Телепухин, мечтает жениться. Только вот беда, умильно продолжал поручик, косясь на приятеля, ее родители – жмоты, каких свет не видел, и требуют предъявить доказательства того, что будущий зять не бедствует и, если понадобится, сумеет прокормить и ее, и себя.

– Ты не знаешь, дружище, у кого бы я мог занять пачку ассигнаций хотя бы на часочек? – спросил Телепухин ласково. – Мне бы только показать старому хрычу денежки, а потом я их верну. Пропадаю я, понимаешь, без моей Людмилы!

По любопытному совпадению, у Гиацинтова как раз в тот момент имелась солидная пачка ассигнаций, с которой он должен был назавтра ехать в город и закупать лошадей для драгунского полка, в котором служил. Еще более любопытным совпадением является то, что коварный Телепухин был прекрасно осведомлен об этом обстоятельстве.

– Видишь ли, – несмело сказал Владимир, – у меня есть деньги, но они все-таки казенные, сам понимаешь...

Поручик скроил разочарованную мину и направился к двери.

– Я понимаю, – заявил он от порога, – что я тебе более не друг, вот что! Ты мне доверяешь? Доверяешь или нет? Какой же ты друг, в самом деле! Сидит и держится за какие-то жалкие ассигнации, тьфу! – и Телепухин смачно плюнул. – Смотреть противно!

Нет ничего удивительного в том, что после таких доводов Гиацинтов поддался на уговоры и, устыдившись своей недоверчивости, отдал лучшему другу все деньги, после чего тот в одну ночь спустил всю сумму хорошо известному игроку господину Полторацкому. Само собою, что ни о какой невесте речи не шло – упоминание о ней было лишь предлогом, чтобы выманить деньги у романтика Гиацинтова.

Просадив 2000 рублей за одну ночь, Телепухин поначалу пал духом, ибо вовсе не рассчитывал на такой расклад. С точностью до наоборот он непременно должен был выиграть, потому что была среда, а Телепухин как раз родился в среду, стало быть, звезды были обязаны ему благоприятствовать. Но хваткий господин Полторацкий, вероятно, родился под какой-то совершенно особой звездой, перед которой все расчеты Телепухина оказались бессильны. Рассерженный проигрышем, Телепухин отправился к себе, и на обратном пути ему в голову пришла совершенно замечательная мысль. Во-первых, он проиграл не свои деньги, а Гиацинтова. Во-вторых, раз так, то можно считать, что он, Телепухин, вообще ничего не проиграл. И, в-третьих, раз это деньги Гиацинтова, то пусть он за них и отдувается. Нечего было казенные финансы давать кому ни попадя, сам виноват!

– И вообще, – рассудил Телепухин, – Володька должен меня благодарить за то, что я ему, каналье, хороший урок преподаю. А то бы все так и обжуливали его, чисто как младенца какого-то.

И с этой мыслью Телепухин уснул, причем спал как раз сном младенца.

Когда через пару дней Владимир все-таки подошел к нему и робко намекнул на то, что пора-де и отдавать долг, а то полковой командир сердится, отчего он, Гиацинтов, все не едет за лошадьми, Телепухин сделал большие глаза.

– Какие деньги? Господа, помилуйте! Я у него ничего не брал! Чего он от меня хочет?

Владимир побледнел, покраснел, напомнил про невесту поручика Людмилу и ее прижизненных родителей, но Телепухин поднял его на смех, а когда Гиацинтов стал настаивать и угрожать жалобой командиру, только насмешливо улыбнулся.

– Валяй, душа моя! Никаких свидетелей у тебя нет, и ничего ты не докажешь. И вообще это странно: ты растратил деньги, а я должен отвечать! С какой стати?

Офицеры, прекрасно знавшие, что Телепухин – негодяй, тем не менее стали на его сторону, следуя излюбленному русскому принципу «не пойман, не вор». Видя, что все оборачивается против него, Владимир отправился к полковому командиру и без утайки поведал ему о случившемся. Командир вызвал Телепухина для объяснений, но тот нагло лгал и все начисто отрицал. Более того, он не постеснялся заявить, что Гиацинтов частенько играл в карты (тогда как тот не пил, не курил и к картам даже не прикасался) и, мол, он наверняка и продул полячишкам все казенные деньги.

Гиацинтову грозил суд за растрату. Не вынеся позора и особенно предательства человека, которого он всерьез считал своим другом, Владимир хотел застрелиться. Он даже оставил подобающую случаю записку (на сочинение шести строк в должном тоне – сдержанном, благородном, не плаксивом и не жалостливом – ушло аж двадцать три минуты и семнадцать страниц черновиков) и положил ее на стол, на самое видное место. Но, едва молодой человек приставил пистолет к виску и взвел курок, в дверь постучала судьба. В этот раз она приняла облик веснушчатого денщика Васьки, который без всяких околичностей сообщил, что командир вызывает Владимира Сергеевича к себе. Именно от командира Гиацинтов узнал, что, так как его дальнейшее пребывание в полку является решительно невозможным, его направляют в Петербург для определения в Особую службу, находящуюся в ведении военного министра графа Чернышёва. Полковой командир заверил молодого человека, что ему представляется исключительный случай исправиться и он, командир, надеется, что тот сумеет оправдать его доверие, а также доверие министра.

Увы, как мы видим, ни пребывание в службе, ни жизненные коллизии ничему не научили Владимира. Он по-прежнему оставался искренним, чистосердечным, романтическим мечтателем, что очень сильно вредило ему в нелегкой работе. В каждой мало-мальски привлекательной женщине он видел королеву, а в каждом случайном знакомом – задушевного товарища. Неудивительно поэтому, что все деликатные миссии, которые были ему поручены, неизменно завершались провалом.

Что же до Антона Григорьевича Балабухи, то он во всем являлся полной противоположностью своего товарища. Если Владимир, существо воздушное, все время витал в облаках, то огромный силач Балабуха, казалось, был сделан из камня, но зато из самого лучшего. Он был надежен, как скала, и на него всегда можно было положиться. Вдобавок он по природе отличался недоверчивостью, туго сходил с людьми, не болтал лишнего даже во хмелю и всем словам на свете предпочитал золото молчания. Казалось бы, лучшей кандидатуры в секретные агенты трудно найти, но увы! В голове Балабухи, столь значительной по своему объему, помещалась, похоже, всего одна извилина. Если туда попадала какая-нибудь мысль, то она так и застревала там, лишенная возможности двигаться и развиваться, хотя именно это как раз и составляет отличительную черту всякой мысли. Так, например, произошло в тот раз, когда Антоша – в ту пору еще капитан артиллерийской бригады – увидел восемнадцатилетнюю кокетку Наденьку Грушечкину. Бедному Балабухе показалось, что в него ударила молния. Он влюбился раз и навсегда, окончательно и бесповоротно, а влюбившись, решил, что ему необходимо во что бы то ни стало жениться. Такой уж это был неправильный век: если мужчина влюблялся, то он женился и не говорил, что брак – это фи и отживающая свое условность.

И Балабуха начал осаду прекрасной Надин, ее маменьки, папеньки, дядюшек и тетушек по всем правилам, которые не предусмотрены тактикой артобстрела, но которые тем не менее применяются в жизни, когда того требуют обстоятельства. Поломавшись для приличия с полгода, Наденька дала-таки свое согласие. В это мгновение Балабуха почти физически ощутил, как у него выросли крылья, и решил вскоре подать начальству рапорт об отставке в связи с предполагаемой женитьбой.

Увы, человек предполагает, а бог, как известно, располагает, и надо же было случиться такому, что как-то раз Балабуха вздумал навестить дорогую невестушку в неурочный час. Он принес своей бесценной Наденьке бланманже – лакомое желе из миндального молока, которое та страсть как любила, и думал обрадовать ее этим маленьким сюрпризом. Нянюшки Наденьки, льстивой рябой Акульки, которая постоянно отиралась возле своей госпожи, почему-то не оказалось в сенях, и Балабуха на цыпочках взлетел по лестнице, радуясь, что все выходит так удачно и он сможет без помех исполнить задуманное. Держа в правой руке злополучное бланманже, левой Балабуха нашарил ручку и, громогласно объявив: «Ку-ку! А вот и я!», вошел в будуар своей невесты...

В следующее мгновение Балабуха уже ничего не смог бы сказать по той простой причине, что начисто потерял дар речи. Ибо с большой постели бесценной Наденьки послышалась какая-то возня, и через мгновение из скомканных простыней вынырнула растрепанная головка Балабуховой невесты. Впрочем, отнюдь не это потрясло бравого артиллериста, а то, что на той же кровати он узрел своего приятеля гусара Братолюбского, того самого, который был ходатаем от него к Наденьке и добился от нее согласия стать женой Балабухи. И даже не наличие своего лучшего друга в кровати будущей жены так потрясло Балабуху, а тот факт, что и гусар, и бесценная Наденька были в чем мать родила, а портки гусара валялись на стульчике рядом с Наденькиными кружевными панталончиками.

– Ой! – взвизгнула Наденька и спрыгнула с кровати, кое-как завернувшись в простыню.

Балабуха медленно переводил взгляд с нее на гусара, причем короткая бычья шея артиллериста и та сделалась красной, а лицо прямо-таки побагровело. Антоша даже не замечал, что раздавил в кулаке сосуд с бланманже и теперь голыми пальцами крошил его осколки.

– Вот оно, значит, как, – медленно, с ненавистью процедил он, глядя в смазливое лицо гусара. – Вот так бланманже!

Наденька завизжала и шарахнулась, когда Балабуха внезапно бросился вперед. У дверей слышались истошные вопли няньки, которая всегда стояла у любовников на стреме, а сегодня так позорно проворонила визит жениха; но ей, по крайней мере покамест, не следовало опасаться за свою воспитанницу.

То, что произошло вслед за этим в будуаре мадемуазель Грушечкиной, наиболее полно описывает составленный несколькими часами позже полицейский протокол, со своеобразной сухостью которого не могут соперничать, однако, никакие красноречивые описания. В протоколе значится, что

*«...господин Антон Григорьевич Балабуха, пребывая во временном помешательстве от несчастия, с ним приключившегося, одной могучей рукой ухватил господина Братолюбского за шею, а другой за детородные органы, после чего поднес одного господина к окну, невзирая на его сопротивление, и выбросил наружу со второго этажа. Прибывший на место полицейский врач констатировал у потерпевшего многочисленные ушибы и кровоподтеки, а также при-
скорбное нарушение функций некоторых жизненно важных органов, которыми потерпевший, возможно, уже не сможет пользоваться так, как раньше».*

Таким образом, Балабуха был посажен под арест за умышленное членовредительство, причем в данном случае этот термин наиболее полно отражал, так сказать, сущность вопроса.

Командир полка, в котором служил Антон Григорьевич, только пожал плечами и рас- смеялся, узнав о случившемся. По его мнению, оно не заслуживало особого внимания, а любвеобильный Братолюбский уже давно напрашивался на то, чтобы его хорошенько проучили. Однако у пострадавшего гусара нашлись заступницы, и особенно близко к сердцу его участь приняла супруга местного градоначальника, состоявшая в родстве с весьма значительными фамилиями империи. Безутешные дамы во главе с нею стали требовать для бедняги Балабухи тюремного заключения, суда, разжалования и еще невесть каких кар.

Видя, что дело принимает для его подчиненного крайне скверный оборот, командир вспомнил о том, что граф Чернышёв уже давно надоел ему своими циркулярами с требованиями предоставить в его распоряжение толковых людей для какой-то там Особой службы. Командир спешно подал министру рапорт о том, что рекомендует Антона Григорьевича как надежного, храброго и неподкупного офицера, и стал ждать ответа. Рапорт произвел на Чернышёва очень выгодное впечатление, и в результате артиллерист был направлен в Петербург.

Узнав о том, что его ожидает, Балабуха воспрянул духом и решил, что теперь он обязательно отличится, добьется повышения, станет полковником, а может – чем черт не шутит – самым генералом, получит уйму наград, и коварная Наденька жестоко пожалеет, что променяла его на этого никчемного Братолюбского. Он был готов исполнить любое задание и прямо-таки

рвался в бой, но уже тогда наиболее прозорливые помощники Чернышёва указывали на то, что у Антона Григорьевича начисто отсутствуют воображение и гибкость мышления, и предсказывали ему весьма скромное будущее. Увы, их прогнозы полностью оправдались. Балабуха был упорен, но звезд с неба не хватало и, как только назревала более-менее сложная ситуация, попросту терялся. Зачастую он предпочитал пускать в ход силу, когда следовало всего лишь как следует пораскинуть мозгами, и в результате неизменно оказывался в проигрыше. Для работы, требующей главным образом смекалки, Антон Григорьевич был простоват и отлично сознавал это. В конце концов он окончательно пал духом и пришел к выводу о том, что хуже его никого в Особой службе и быть не может, но тут неожиданно выяснилось, что Володя Гиацинтов находится в точно таком же положении, как и он сам. Это вообще не укладывалось в голове у артиллериста. Если даже такой блестящий и сметливый юноша, как Владимир, только и мог, что допускать промах за промахом, то и вовсе непонятно, кем надо быть, чтобы преуспеть на этой службе. Тем не менее Балабуха находил некоторое утешение в том, что окажется в крепости с хорошим знакомым, а не с каким-нибудь штатским мазуриком. Он и Гиацинтов как раз обсуждали, как будут переписываться, если их посадят в разные камеры, когда к офицерам подошел надменный лакей.

– Его превосходительство просит господина Гиацинтова и господина Балабуху к себе, – ледяным тоном процедил он сквозь верхнюю губу. – Прошу.

Владимир, слегка побледнев, поднялся с места. Балабуха кашлянул и пригладил волосы. Теперь он был уверен, что отныне их ожидает общая судьба.

Глава 2

Его превосходительство. – Рассуждение о крепостях и красавицах. – Визитеры, проходящие сквозь стены. – Тетушка, которую во что бы то ни стало надо бросить за борт корабля.

– А, господа герои! – язвительно промолвил его превосходительство военный министр Чернышёв, круто поворачиваясь на каблуках к посетителям. – Ревнители славы отечества! Заходите, заходите, милости просим! Что ж вы застыли у порога? Такое малодушие не к лицу признанным храбрецам!

С самого начала речь министра произвела на проштрафившихся офицеров самое тягостное впечатление. Они поняли, что надеяться им больше не на что и что никакого снисхождения не последует, стало быть, надо приготовиться к самому худшему. Реакция наших друзей, однако, была столь же различной, как и их характеры. Если Балабуха ограничился тем, что втянул голову в плечи, стушевался и стал пристально разглядывать лепной завиток в углу потолка, то Владимир, напротив, почувствовал прилив здоровой злости. Каковы бы ни были его проступки, он оставался свободным человеком и не желал, чтобы его третировали, как какого-нибудь лакея. Поэтому, выслушав реприманд его превосходительства, Владимир распрямился и со сверкающими глазами проговорил, чеканя каждое слово:

– Смею напомнить вашему превосходительству, что, находясь на службе отечеству, я тем не менее не нанимался выслушивать замечания, задевающие мою честь как русского офицера. Если вашему превосходительству будет угодно отправить меня в крепость, то ваше превосходительство может быть уверено, что я приму эту кару с надлежащим смирением и не выкажу при этом никакого малодушия, в котором вашей милости угодно меня обвинять. Но оскорблять меня я не позволю никому, запомните это!

«Пропал», – обреченно подумал Балабуха. Но министр лишь сухо улыбнулся, как будто вовсе не ему только что надерзили самым возмутительным образом.

– Полно вам ребячиться, господа, – сказал он скучающим тоном. – Куда вы так торопитесь? Крепость ведь не красная девка, может и подождать.

Балабуха, которому в речи министра почудился намек на роковые обстоятельства его личной жизни, затаил дыхание. Даже Гиацинтов и тот заметно смешался.

– Я ценю вашу смелость, – невозмутимо продолжал министр, обращаясь к Владимиру, – но проявлять ее надо в другом месте, а не в разговорах с вышестоящими лицами. На словах, знаете ли, многие храбрецы, а вот на деле...

Владимир покраснел.

– Если вашему превосходительству угодно меня испытать, – быстро проговорил он, – то я готов.

– Прекрасно. – Чернышёв отошел от окна, возле которого стоял, когда вошли офицеры, и сел за стол. – А вы, Антон Григорьевич?

Но гигант смог выдавить из себя только «рад служить... и всю кровь до последней капли...», после чего смешался и вопросительно поглядел на своего товарища.

– Вот и прекрасно, – бодро заключил Чернышёв. – Прошу присаживаться, господа.

Офицеры не заставили себя упрашивать и сели, немного приободренные тем, какой оборот принимал разговор.

– Думаю, господа, – непринужденно промолвил граф, – мне не стоит напоминать о том, какая милость была вам явлена, когда вместо того, чтобы бесславно отправиться в крепость, вы

очутились в Особой службе и получили возможность искупить ошибки прошлого. Мы надеялись, что вы надлежащим образом оцените оказанную вам честь и приложите все усилия к тому, чтобы доказать, что вы достойны нашего доверия. – Министр вздохнул. – Наверное, мне не следует также говорить вам о том, что, к сожалению, наших надежд вы не оправдали. Обо всем этом вы и сами знаете не хуже меня.

И военный министр любезно улыбнулся. Но его глаза по-прежнему смотрели холодно, и в этом холоде не было даже намека на какую-либо милость или доверие.

– Стало быть, – продолжал Чернышёв спокойно, – передо мною встает нелегкий выбор. Либо я признаю, что ваше пребывание в Особой службе было ошибкой, и предоставлю каждого из вас своей участи. Вы, Владимир Сергеевич, пойдете под суд за растрату, а вы, Антон Григорьевич, сядете за нанесение тяжкого увечья храброму вояке... полученного им не при исполнении служебных обязанностей. – Балабуха тяжело задышал, лицо его пошло пятнами. – Либо я закрываю глаза на вашу нерадивость и даю вам последний шанс. Если, конечно, вы захотите им воспользоваться.

Офицеры быстро переглянулись.

– Ваше превосходительство, – нерешительно промолвил Гиацинтов, – а этот, гм, шанс... Он один на нас обоих или же...

Чернышёв пожал плечами.

– Исходя из предыдущего опыта, я считаю, что нет никакого смысла использовать вас порознь, – заметил он. – Да, на этот раз вам предстоит действовать вместе. Если вы, конечно, согласны.

– Мы согласны, – поспешно сказал Владимир. Балабуха только кивнул.

– Вот и чудненько, – расцвел в улыбке военный министр. – Итак, господа, слушайте внимательно. Вам предстоит отправиться в Вену. Что вам известно об этом городе?

– Вена – столица могущественной Австрийской империи, – оживился Гиацинтов. – Блестящий город с множеством дворцов и театров, расположен на реке Дунай. Резиденция императора Фердинанда находится...

– Довольно, – желчно оборвал его Чернышёв. – Ни к чему щеголять передо мною вашими необъятными познаниями, господа. Главное, что вам следует запомнить, – это то, что Австрийская империя, управляемая, кстати, не слабоумным Фердинандом, а этой хитрой лисой, канцлером Меттернихом, является нашей союзницей со времен борьбы с Наполеоном. Но когда мы говорим о политике, мы должны понимать, что нет такого союзника, который не мог бы завтра превратиться в соперника. Я ясно выражаюсь?

– Э... – пробормотал Владимир в замешательстве. – Мне казалось, ваше превосходительство, что если мы вместе победили Наполеона, затратив на это такие усилия... – Он осекся.

Чернышёв посмотрел на его молодое, открытое лицо и, подавив раздражение, решил, что говорить надо как можно более доходчиво, без всяких околичностей, чтобы эти недотепы хотя бы понимали, с чем им придется иметь дело.

– Интересы Российской империи, – сухо промолвил граф, – чрезвычайно обширны, и характер их таков, что они задевают многих наших... скажем так, бывших друзей. Сейчас мы сильны и независимы, мы заставили потесниться старые европейские державы, которые одни привыкли всюду заправлять. Нравится ли им такое положение вещей? Отвечаю вам: нет, что бы они ни говорили на словах. В политике вообще не место дружбе, дружат здесь только при необходимости, в исключительных обстоятельствах, и, как правило, против кого-либо еще. Уясните себе это хорошенько и знайте, что вам предстоит далеко не увеселительная прогулка.

– Мы это учтем, – поспешно вмешался Балабуха, видя, что Владимир, задетый высокомерным тоном министра, снова готов вспылить. – Так в чем же заключается наше поручение?

Чернышёв улыбнулся и снял с рукава какую-то невидимую пылинку.

– В Вене, – проговорил он, – вам нужно будет отыскать одного человека.

– И что же это за человек? – спросил Гиацинтов с замиранием сердца.

– Его зовут Сергей Жаровкин, – ответил военный министр, – и он числится письмоводителем в российском посольстве.

Балабуха открыл рот. Даже Владимир и тот был поражен: он-то полагал, что на этот раз задание окажется куда более трудным. Стоило ради этого пускаться в рассуждения о европейской политике и предостерегать против австрийских козней!

– Но если этот Жаровкин... – начал Гиацинтов. Он был намерен просить разъяснений, однако министр, свирепо покосившись на него, сам повел речь дальше.

– Примерно полторы недели тому назад господин Жаровкин бесследно исчез, и обстоятельства его исчезновения представляются нам довольно-таки загадочными. Ваше поручение заключается в том, чтобы любой ценой отыскать его, живого или мертвого, и выяснить, что же именно является причиной его, так сказать, отсутствия. Если он жив, то ваша задача упрощается. Если он был убит, то вы должны разобраться, за что и кем именно. Действовать, как я уже сказал, будете сообща. Ответственным за это поручение назначается... – Чернышёв посмотрел на Балабуху, вздохнул и перевел взгляд на Гиацинтова, – Владимир Сергеевич. В путь, господа, отправляетесь завтра с раннего утра, ибо до Вены дорога неблизкая. Вам выдадут казенный экипаж, кучера и достаточно денег на гостиницы и прочие расходы. С собой можете взять одного слугу, в котором вы вполне уверены и который не станет болтать о вас с каждым встречным и поперечным. Остановок в пути желательно делать как можно меньше и нигде не задерживаться. Доберетесь до Вены, предъявите в посольстве рекомендательные письма, которые я вам вручу, и немедленно приметесь за дело. Как только что-то прояснится, тотчас же, безотлагательно дайте мне знать. Все понятно?

– Да, ваше превосходительство, – ответил Владимир.

– А мне нет, – упрямо сказал Балабуха, исподлобья косясь на него. – Это что же, он будет главным, а я, выходит, должен ему подчиняться?

– Ну кто-то ведь должен быть главным, – вкрадчиво вернул Чернышёв, – так уж среди людей заведено. Считайте, господа, что это ваш совместный дебют. Однако он станет вашим финалом, если вы не справитесь с поручением. Со всей серьезностью должен предупредить вас, что, если вы провалите и эту миссию, вам не сносить головы, ибо я не намерен больше с вами церемониться. Мы и так были с вами излишне мягкосердечны.

Владимир вовсе не считал, что отправка человека с опасным поручением является признаком мягкосердечия, и уже открыл рот, чтобы сказать об этом министру, но встретил предостерегающий взгляд Балабухи и прикусил язык.

– Нашего посланника при австрийском дворе зовут Иван Леопольдович Адлерберг. Граф Адлерберг, – поправился Чернышёв. – Мы ввели его в курс дела, и он осведомлен о том, что вы должны прибыть в Вену. За всеми дополнительными сведениями можете смело обращаться к нему. Какие-либо вопросы у вас есть?

– Нет, ваше превосходительство, – ответил Балабуха.

– В самом деле? – Чернышёв иронически прищурился. – В таком случае больше не смею задерживать вас, господа. Можете идти.

Гиацинтов и Балабуха поклонились и покинули кабинет военного министра. Они так никогда и не узнали, что едва они шагнули за порог, как в углу пришла в движение потайная дверь, и из-за этой двери показался человек.

– Все слышал, Никита? – спросил у него Чернышёв.

– Точно так, ваше превосходительство, – отвечал незнакомец. – И где только сумели найти таких чудачков? У них же, можно сказать, прямо на лбу написано, что для нашего деликатного дела они непригодны.

– Это ты верно сказал, – вздохнул министр, – дело наше есть деликатное и весьма, весьма непростое. Помни, Никита: я на тебя рассчитываю. Тебе не хуже моего известно, что Вена –

это змеиное гнездо. Смотри же, чтобы не вышло осечки. План наш тебе известен: ты незаметно присоединишься к господам офицерам, чтобы не вызывать никаких подозрений. Дальше действуй так, как мы условились.

– Не волнуйтесь, ваше превосходительство, – пообещал Никита. – Все будет чисто, комар носу не подточит. Только вот зря вы дурачков этих туда посылаете, они же ничего не могут, кроме как мешать.

– Вряд ли у них это получится – им же толком ничего не известно, – отозвался Чернышёв. – И потом, их появление покажется вполне убедительным, учитывая все обстоятельства. Сегодня же я отправлю в Вену дополнительную депешу, пусть посольские господа понервничают. В конце концов, правильно говорит пословица, что и дурак на что-нибудь сгодится. Если даже этих офицеров убьют, то, по крайней мере, не так жалко будет. Ты же, Никита, будь осторожен. Надо во что бы то ни стало разобраться с этой историей, потому что государю, – он поднял глаза на портрет императора Николая в полный рост, – все это очень, очень не по душе. Сумеешь добраться до разгадки, считай, что повышение у тебя в кармане. За дурачками приглядывай потихоньку, но главное... главное...

– Не извольте сомневаться, ваше превосходительство, – успокоил его Никита. – Все будет сделано как надо, обещаю вам. Разве я когда-нибудь вас подводил?

– Поэтому я и поручаю тебе это дело, – заметил министр. – И еще кое-что. В Вене находится с секретным поручением один из наших главных агентов. Поручение не слишком сложное, даже пустяковое, но, возможно, ему все-таки понадобится твоя помощь. В этом случае он обратится к тебе и скажет пароль. Пароль такой: «Любите ли вы дижонский черносмординовый ликер?» Ты должен ответить: «Нет, я предпочитаю сотерн²» и оказать этому человеку любое содействие, сделать все, о чем бы он ни попросил. Ты понял?

– Ваше превосходительство может не беспокоиться по поводу таких пустяков, – заверил его Никита. – Разумеется, я все сделаю.

– Ну, то-то же, – проворчал министр. – Ступай!

И Никита скрылся таким же путем, каким и вошел. Однако стоит отметить, что на этом визиты лиц, проникающих тайными путями к военному министру, отнюдь не окончились, потому что ближе к вечеру Чернышёв принял у себя некую даму, с которой также имел конфиденциальный разговор.

– Сложилось очень щекотливое положение, Полина Степановна, – подытожил министр в конце беседы. – С одной стороны, явные признаки какой-либо угрозы вроде бы отсутствуют, но с другой – уже одно отсутствие таких признаков наводит на самые серьезные размышления. – Его собеседница приподняла брови, но ничего не сказала на это глубокомысленное замечание Чернышёва. – А тут подвернулся столь подходящий случай – эта барышня, которая много лет пытается вылечиться от чахотки на Мадейре. Что, если она совершенно излечилась и вместе со своей тетушкой, которая ее везде сопровождает, вернулась домой, в Вену?

– Тетушка может осложнить дело, – заметила Полина Степановна. – О тетушке вы мне ничего ранее не говорили.

– Действительно, это досадное упущение, – согласился министр, – но я полагаю, что его будет легко исправить. Может быть, тетушка упала за борт во время шторма, когда корабль плыл от Мадейры? – с надеждой предположил он. – В море ведь всякое может случиться.

– Тогда об этом написали бы в газетах, и наверняка сыскались бы свидетели, – покачала головой Полина Степановна. – Боюсь, это нам не подходит.

– Попала под карету? – предположил жизнерадостный министр. – Или гораздо проще: умерла от старости?

---

² Род сладкого белого вина, отличающийся красивым янтарным оттенком.

– Тогда в Вене ко мне приставят еще кого-нибудь из родственников, – вздохнула его собеседница, обмахиваясь веером. – Нет, нам нужно что-то другое.

– Я поговорю с нашими лучшими агентами, – оживился Чернышёв. – Может быть, у кого-нибудь из них окажется подходящая тетушка, которая...

– Которая по причине отсутствия должных навыков сразу же провалит мою миссию, – холодно сказала Полина Степановна, и глаза ее колюче сверкнули. – Ваше превосходительство, а где сейчас Алексей Каверин?

– Алексей Константинович? – изумился граф. – Боже мой, сударыня, неужели вы полагаете, что этот храбрый офицер сумеет изобразить вашу тетку?

– Я нахожу, что для блага родины Алексей Константинович способен изобразить кого угодно, – вывернулась Полина Степановна. – А без подходящей тетушки у меня почти наверняка возникнут сложности с выполнением задания. Так где он теперь?

– На Мадейре, – с неудовольствием ответил министр. – Поймите, Полина Степановна, он приглядывает за... за нашей барышней.

– Приглядывает? – отчего-то возмутилась Полина Степановна. – Что это значит? Он вскружил ей голову? Обещал жениться? Так он удерживает ее на Мадейре, да?

– Полина Степановна, Полина Степановна, – покачал головой граф, – по правде говоря, я не знаю, какие методы использует господин Каверин, но следует признать, что они чрезвычайно эффективны. Не забудьте, что одно неосторожное письмо с Мадейры, в то время как вы находитесь в Вене, и все – нашим планам конец! Поэтому Алексей Константинович делает все, чтобы вы смогли действовать без помех под видом... под видом этой барышни. Сама барышня наполовину француженка, семья ее матери бежала из Франции еще во время революции и осела в Австрии. Наша мадемуазель говорит по-французски и по-немецки, как вы, и это обстоятельство вам тоже на руку.

– О да, – кивнула Полина Степановна, – но тетушка, господин граф, тетушка! Когда мы с вами обсуждали план прошлый раз, ни о какой тетушке речи не шло!

– Что касается тетушки, то я, право, не знаю, как с ней быть, и всецело полагаюсь на ваше благоразумие, – дипломатично промолвил министр, которого уже начал утомлять этот разговор. – Вообще я уверен, что никто не сумеет справиться с данным делом лучше вас. Его императорское величество, которому я обо всем доложил, также одобряет мое решение.

– Насколько я понимаю, – сказала его собеседница, с преувеличенным вниманием разглядывая рисунок на своем веере, – мне придется действовать в весьма сложных обстоятельствах, на свой страх и риск. А поскольку ставки могут оказаться весьма значительными, я требую, чтобы наши люди в Вене и вообще никто не был осведомлен о моих действиях.

– Полностью согласен с вами, секретность прежде всего, – поклонился Чернышёв. – Тем более что эта история с письмоводителем показала, что мы никому не можем доверять. В крайнем случае вы всегда можете обратиться к нашему агенту Сотникову за помощью. Вы помните пароль?

– Да-да, ликер и сотерн, – кивнула Полина Степановна. – А что именно господин Сотников будет делать в Вене?

Граф улыбнулся.

– Это секрет, сударыня. Могу сообщить вам только одно: у вас будет великолепное прикрытие, которое совершенно отвлечет на себя внимание наших противников. Таким образом, вы сможете делать все, что сочтете нужным.

– Я чрезвычайно ценю предусмотрительность вашего превосходительства, – с очаровательной улыбкой ответила дама, – но главное – чтобы ваше прикрытие ненароком не спутало мне карты. Вы понимаете, о чем я?

– Вам не о чем волноваться, сударыня, – галантно отвечал Чернышёв. – Строго между нами, Полина Степановна, не позавидую я тому человеку, который пожелает хоть в чем-то вам помешать. Даже я, грешный, и то менее всего хотел бы оказаться в рядах ваших недругов.

– О, мудрость вашего превосходительства всем известна, – отозвалась дама, поднимаясь с места и складывая веер. – Но вы мне льстите, сударь. Я такой же человек, как и все, просто я привыкла всегда добиваться своего.

– Кто бы сомневался, – пробормотал про себя министр, когда дама, шурша вишневым с золотом гроденаплев³ платьем, покинула кабинет. – Но именно это сейчас нам нужнее всего.

Он позвонил в колокольчик и велел подобострастному лакею пригласить из приемной очередного посетителя.

---

³ Гроденаплъ – разновидность шелковой ткани.

Глава 3

Приключения страждущих путешественников. – О том, как важно прорываться именно туда, куда следует. – Станционный смотритель и кое-какие особенности его характера. – Чрезвычайно поучительная беседа о рае.

– Нале-гай!

Прекрасным майским утром 1841 года Владимир Гиацинтов, весь в грязи и с расцарапанной щекой, смотрел, как из канавы вытаскивают их экипаж. Путешествие в Вену не задалось с самого начала.

Не успели офицеры в сопровождении денщика Васьки выехать из Петербурга, как у колеса треснула спица. Кучер – широкоплечий бородатый мужик с угрюмым лицом, отзывавшийся на имя Степан Козырев, – тут же заверил господ, что это ничего, была бы ось цела. Ось, однако, сломалась, когда офицеры подъезжали к Пскову. Ее починили у местного умельца и поехали дальше, но через полсотни верст сломалась уже вторая ось.

Возле Минска у экипажа отвалилось левое заднее колесо, и хорошо еще, что это произошло не на мосту, иначе офицеры вместе с кучером и денщиком неминуемо свалились бы в реку. Наконец, не доехав каких-нибудь полверсты до станции, расположенной в 62 верстах от Бреста, экипаж на совершенно пустынной дороге ухитрился-таки загромоздить в канаву, из которой его сейчас пытались извлечь сбежавшиеся на подмогу мужики, к которым присоединился и Васька. Ими распоряжался все тот же неугомонный Степан, в то время как Балабуха и Гиацинтов, по счастью, отделавшиеся при падении лишь парой царапин, стояли несколько поодаль и угрюмо наблюдали за происходящим. Радоваться им было нечему, потому что одна из лошадей повредила ногу, а на починку экипажа требовалось время, и по всему выходило, что им удастся добраться до Вены никак не раньше июня.

– Не жизнь, а какое-то божье наказание, – проворчал Балабуха. – Ты посмотри, драгун, какую развалюху они нам дали! Казенный экипаж, тоже мне! А лошади? Ведь это черт знает что такое! То они расковыряются на полдороге, когда на сто верст вокруг не сыскать кузницы, то начинают хромать, как только мы выедем со станции. Как будто проклятье над нами висит какое-то, честное слово!

– Не дрейфь, артиллерист, – отозвался Гиацинтов весело, хлопнув его по плечу. – Бог даст, прорвемся.

Балабуха недоверчиво поглядел на него.

– Как говорил наш полковник, – сказал Антон наконец, подпустив в голос изрядную толику иронии, – надо знать, куда прорываться, милостивый государь. А то можно так прорваться, что вообще проклянешь тот миг, когда туда полез.

– Ты что, уже жалеешь, что согласился на это дело? – удивился Владимир.

– Согласился! – хмыкнул здоровяк. – Ежели ты не заметил, нашего согласия никто и не спрашивал. Все уже было решено без нас.

– Да ты что, Антоша? Ведь граф Чернышёв как раз спросил, не против ли мы...

– Ну да, не против ли мы получить казенную квартиру в крепости, а если нет, почему бы нам не прокатиться в Вену, чтобы отыскать какого-то прощелыгу. Брось, Вольдемар! Не те мы фигуры, чтобы спрашивать нас, что мы хотим делать.

– Должен признаться тебе, – промолвил Владимир после небольшой паузы, – что если ты не принимаешь всерьез поручение министра, то я намерен приложить все силы, чтобы его выполнить. Это все, что я имею вам сказать, милостивый государь.

– Экий ты, Владимир Сергеевич, – проворчал Балабуха. – Ну я же тоже не собираюсь есть казенный хлеб даром. Я только одного не могу понять – почему, если наша миссия такая важная и нужная, нам дали такой дрянной экипаж? Неужели нельзя было найти чего-нибудь получше?

– Дружнее, братцы, – надсаживал глотку Степан, – налегай!

Экипаж вытащили из канавы, и офицеры подошли ближе – посмотреть, что осталось от их рыдвана. Вопреки их опасениям, он пострадал не так сильно, хотя одно стекло вылетело и два колеса из четырех подлежали замене, не говоря уже о прочих мелочах.

– Ладно, – решил Гиацинтов. – Айда на станцию!

И он с Балабухой зашагали по дороге, в то время как мужики, которым Степан посулил по алтыну, тащили за офицерами экипаж, а Васька нес вещи. Лошадей, одна из которых сильно хромала, Степан распряг и повел за собой.

На станции Владимир и Балабуха нашли грустного человека неопределенного возраста, который дремал у окошка над горшком с геранью. Когда романисты пишут: «неопределенного возраста», неопределенность эта обыкновенно простирается от 40 до 70 лет и никогда не затрагивает более молодые годы, хотя, казалось бы, и в юности можно выглядеть вполне себе неопределенно. Точности ради скажем, что смотрителю уже исполнилось 47 и что он порядком понаторел в битвах с путешественниками, которые вместо того, чтобы покойно сидеть дома и блаженствовать, распивая чай с малиновым вареньем да почитывая толстые журналы, зачем-то куда-то ездили и бессовестно изнашивали колесами своих экипажей дороги необъятной Российской империи. По натуре смотритель был домоседом, что, впрочем, вовсе не мешало ему в молодости сбежать от жены, которая ему наскучила. Однако теперь на всех, кто путешествовал и, стало быть, задавал ему лишнюю работу, он смотрел косо, и не было в свете такой силы, которая заставила бы его дать лошадей путешественнику, который чем-либо оказался ему несимпатичен.

Не зная этих тонкостей и даже не подозревая о них, бесхитростный Гиацинтов объяснил смотрителю ситуацию и предъявил выправленную по всей форме подорожную.

– Нам нужен кузнец, – закончил Владимир, – и лошади.

Смотритель приоткрыл один глаз, шумно почесал под мышкой и вздохнул. По его внутреннему ощущению – а своему внутреннему ощущению он доверял всегда, – офицеры, несмотря на все сопроводительные бумаги, были не слишком важными персонами, и он вовсе не намеревался потакать им сверх меры.

– Кузнец Фома уехал пьянствовать на свадьбу к сестре, – печально ответил смотритель. – Завтра обещался быть, значит, появится дня этак через три.

– А лошади?

– Свободных лошадей нет, ваше благородие.

– Врешь небось, – вмешался Балабуха. – Давай почтовую книгу, борода!

– Пожалуйста, – с готовностью отвечал смотритель, придвигая к нему по столу засаленный гроссбух.

Балабуха, хмуря брови, прочитал последние записи. Помещица Осипова – 6 лошадей... Дворянка Полина Степановна (фамилия написана неразборчиво) – 3 лошади... Генерал Мелюзгин – 9...

– Вот басурман!

Одна тройка ушла с почтой.

– Значит, нет лошадей, – подытожил Гиацинтов.

Вошедший Степан значительно кашлянул в кулак.

– Там на конюшне еще одна тройка, ваше благородие, – доложил он.

Балабуха обернулся и грозно поглядел на смотрителя.

– Это курьерская, ваше благородие, – твердо отвечал тот. – Для курьера или фельдъегеря, которые на службе государевой.

– А я что, по-твоему, для своего удовольствия путешествую? – рявкнул Балабуха. Белки его глаз налились кровью.

– Полно тебе, Антон Григорьевич, – вмешался Гиацинтов. – Все равно ведь надо сначала экипаж починить... Скажите, любезнейший, кроме этого Фомы, поблизости больше нет никакого кузнеца?

Смотритель задумался. Владимир сунул два пальца в карман и извлек из него гривенник. Грустный человек бросил на блестящую монету взгляд, полный укоризны, и Гиацинтов вытащил еще один гривенник. Смотритель поднял левую бровь и стал почесывать ее со скучающим видом. Серебряные монеты со звоном упали на стол и, покрутившись, застыли на месте. Смотритель кашлянул и поглядел отсутствующим взором куда-то мимо Балабухи. Невольно тот покосился в ту же сторону, а когда через долю мгновения снова повернулся к смотрителю, на столе было пусто. Антон вытаращил глаза. Вздохнув со смиренным видом, смотритель пригладил усы, насупился и изрек:

– Вообще-то, если вам позарез нужно чинить карету, то к Фоме лучше не обращаться – пьет, зараза, как рыба. Зато рябой Ванька, который тут неподалеку...

– Ну так пошли за ним человека!

И примерно через полчаса Ванька уже был на месте и принялся за дело.

Смотритель кликнул свою жену. Она вышла и предложила офицерам откусать чем бог послал. После шей, поросенка с хреном, расстегаев и кофею путешественники почувствовали себя значительно уверенней, тем более что подавала блюда востроглазая плутовка Дуня, дочка смотрителя, которая то и дело оборачивалась на красивого Гиацинтова.

Когда импровизированный обед подошел к концу, Балабуха остался в избе, – как он уверял, его очень интересовали украшающие стены лубочные картинки. Гиацинтов же, наоборот, пошел поглядеть, как спорится дело у рябого Ваньки. Дуня, замешкавшись, хотела было последовать за Владимиром, но тут Антон окликнул ее и чрезвычайно вежливо попросил объяснить ему, какая именно битва изображена на самой большой картинке, и она осталась.

Владимир заглянул на задний двор, на котором Ванька колдовал над останками многострадального экипажа под присмотром денщика Васьки и бдительного Степана. Как сказал кучер, «еще пара часиков, ваше благородие, и можно в путь, если будут лошади».

Над высоким клевером жужжали мохнатые шмели и скользили стрекозы с прозрачными крылышками, отливавшими всеми цветами радуги. Розовели цветущие яблони, белели нежные вишни. Желтая вислоухая собака свернулась калачиком в тени плетня и дремала. У колодца, распустив белоснежные крылья, бродил большой красивый гусь. Завидев Гиацинтова, он вытянул шею и сказал: «Кра-кра».

Владимир постоял на месте, ни о чем не думая, наслаждаясь хорошей погодой и красотой окружающей природы. Солнце припекало. Вдоль дороги бежали полосатые верстовые столбы. Прочтя надпись на одном из них, Гиацинтов понял, что до ближайшей станции 20 верст. Назойливая муха попыталась сесть ему на щеку, но он, мотнув головой, отогнал ее. В следующее мгновение вдаль, между вишневыми деревьями, показалась черная точка, которая стала медленно расти, приближаясь к станции.

Невольно Владимир подался вперед. Точка заинтересовала его. Иногда она исчезала из виду, когда дорога шла под гору, но вскоре вновь появлялась на следующем подъеме. То она брела зигзагами, то спотыкалась и падала, но через минуту опять поднималась на ноги и неуклонно продвигалась вперед. По мере продвижения точка обрела светловолосую голову, серый сюртук, серые же панталоны, пунцовый жилет, когда-то роскошный, а теперь разорванный галстук, огромный фингал под левым глазом и множество кровоподтеков на молодом, симпатичном, открытом лице.

Преодолев последний подъем, незнакомец оказался всего в каких-нибудь двух десятках метров от Гиацинтова. Теперь было ясно видно, что это и впрямь был невысокий, ладно сложенный молодой человек лет 25 или около того, которого недавно кто-то весьма чувствительно отколошматил. Шатаясь, неизвестный сделал два или три шага, но сил у него уже не оставалось, и, взмахнув руками, он рухнул в дорожную пыль.

– Кра! – недовольно сказал гусь, вместе с Владимиром наблюдавший за этой сценой.

Человек, лежавший на дороге, не шевелился. Поколебавшись, Гиацинтов быстро двинулся вперед.

– Эй, сударь! Эй! Что с вами?

Но сударь лишь издал слабый стон и закрыл глаза.

Гиацинтов в отчаянии огляделся по сторонам. На краю колодца стояла большая деревянная бадья. Недолго думая, Владимир схватил ее, быстро зачерпнул воды и выплеснул ее всю на незнакомца, облив при этом и свои брюки.

Результаты не замедлили сказаться. Во-первых, молодой офицер в мокрой одежде почувствовал себя нелепо и неловко, и во-вторых, незнакомец издал нечто вроде бульканья, открыл глаза и не без труда принял сидячее положение. Сначала он увидел сказочное дерево, осыпанное белыми цветами, затем какую-то необыкновенную птицу, похожую на лебедя, и наконец – высокого стройного молодого человека с темными волосами, хрустальными глазами, ямочкой на подбородке и лицом ангела.

– Сударь, – пролепетал незнакомец, – скажите мне: я в раю?

– Нет, – удивленно ответил Владимир. – Вы недалеко от станции.

Его собеседник глубоко вздохнул.

– Значит, я не умер? – без особой радости спросил он.

– Насколько я могу судить – нет, – заверил его собеседник.

– И слава богу, – сказал странный незнакомец, после чего вновь потерял сознание.

Глава 4

Уланы переходят в наступление. – Явление Августа в майский день. – Машенька, Катенька, Лизонька и некоторые другие. – Чернильная душа агента Сотникова.

Приблизительно в то же самое время, когда Гиацинтов на дороге завел с незнакомцем беседу о рае, в избушке станционного смотрителя имел место не менее интересный разговор, в котором участвовали черноглазая красавица Дуня и плечистый гигант Балабуха. Судя по всему, они никак не могли оторваться от лубочной картинки, изображавшей битву.

– Так-с, Дуня, ну а эти, с султанами на шлемах, кто?

– Уланы, – отвечала Дуня, пожимаясь и хихикая.

– Ну а эти, которые вон тут на лошадях скачут? – Произнося эти слова, Антон придвинулся к Дуне совсем близко.

– Это кавалеристы, – отвечала красавица, потупившись.

Поскольку собеседники уже перебрали гренадеров, кирасиров, лейб-гвардейцев, артиллеристов, драгун и прочие роды войск, по всему следовало, что дело идет к решительному наступлению. Балабуха кашлянул, скосил глаза на картинку и наклонился к Дуне, но тут дверь яростно грохнула, ударившись о стену, и в избушку влетел Владимир Гиацинтов. Дуня моментально отскочила от громадного офицера и стала с удвоенным усердием смахивать пыль со стола.

– Антон Григорыч! – воскликнул Владимир. – Там на дороге человек... в тяжелом состоянии... Надо бы перенести его сюда, да доктора к нему!

– Да сделаем, об чем речь, – буркнул Балабуха сердито. Судя по всему, он искренне переживал, что не успел всесторонне обсудить с Дуней разворачивающееся на картинке генеральное сражение.

Через несколько минут раненый незнакомец уже лежал на кровати в домике станционного смотрителя, и сердобольная хозяйка растирала ему виски уксусом. Придя в себя, бедняга схватился за голову и застонал.

– Не бойтесь, – сказал ему Гиацинтов, – вы в безопасности. Однако кто же это вас так отходил?

Поняв, что ему и в самом деле ничего не угрожает, незнакомец заметно успокоился и рассказал следующую историю. Его зовут Август Добраницкий, и он польский шляхтич. Несколько месяцев тому назад он повстречал в Киеве девушку и влюбился в нее. Узнав, что она живет в этих краях, он приехал сюда, чтобы быть ближе к предмету своей страсти. К несчастью, девушка оказалась из богатой семьи, в то время как он, Добраницкий, богатством похвастаться не может. К еще большему несчастью, отец девушки, деспот и самодур, заметил, что молодой человек явно неравнодушен к его дочери, и в недвусмысленных выражениях предложил ему убираться подобру-поздорову. Август, разумеется, не послушался, после чего сегодня утром на него напали подосланные отцом девушки люди и жестоко избили. Что было дальше, он не помнит, и как он добрался до станции, не помнит тоже. После того, что случилось, жизнь ему вовсе не мила, и вообще он не знает, куда ему теперь податься. Без девушки его существование не имеет смысла, но ужасное подозрение, что ей, скорее всего, известно о его позоре, жжет его душу каленым железом (при этих словах Добраницкий почему-то покосился на Дуню).

– Вот бедняга! – сочувственно промолвил Антон, которому во время рассказа Августа вспомнились все его собственные горести. – Не повезло тебе, однако!

– И что же вы будете теперь делать? – спросил Владимир.

Выяснилось, что Добраницкий этого не знает, но все же склоняется к тому, чтобы написать прощальное письмо любимой и пустить себе пулю в лоб.

– Эх куда хватил! – проворчал Балабуха. – Из-за женских глаз – стреляться! Тьфу! Да ни одна женщина на свете этого не стоит.

Поляк гордо вскинул голову.

– Сразу же видно, что вы никогда не любили по-настоящему, – пылко возразил он. – А я не смогу жить без моей Маши. Не смогу!

– Поначалу, конечно, оно всегда так, – отпарировал задетый за живое Балабуха. – А вы все-таки попробуйте, авось у вас получится.

– Я бы и хотел, – искренне ответил Август. – Но ничего не выйдет. От любви не существует лекарств.

– Это только так говорится, – вмешался Владимир. – Между прочим, древний поэт Овидий написал на сей счет целую книгу, которая так и называется: «Лекарство от любви».

– И что, она многих вылечила? – с сомнением спросил Добраницкий.

– Ну, раз ее до сих пор читают, значит, не так уж она плоха, – заметил Гиацинтов. – Постарайтесь для начала уехать как можно дальше от вашего предмета страсти, и вы сами увидите, что любовь не выдерживает больших расстояний.

– Возможно, это так, – вздохнул Август, – но дело в том, что я не настолько богат, чтобы позволить себе хорошее путешествие. – Он поднялся с кровати, но ноги еще плохо держали его. Добраницкий покачнулся и ухватился за стену, однако и в этом положении ухитрился отвесить офицерам глубокий поклон. – Благодарю вас, господа, за участие и желаю вам всего доброго. Прощайте!

Балабуха и Гиацинтов переглянулись.

– Может, возьмем его с собой? – неожиданно спросил Антон. – Обидно ведь видеть, как человек пропадает, в сущности, ни за грош.

– Но наше поручение... – нерешительно начал Владимир.

– А при чем тут оно? – удивился силач. – В конце концов, Чернышёв ведь не запрещал нам брать попутчиков... Эй, Август! Хочешь прокатиться с нами до Вены?

Добраницкий обернулся. На его лице было написано искреннее изумление. Нет, ну а что еще вы бы почувствовали, если бы совершенно незнакомые люди просто так пригласили бы вас составить им компанию и поехать за тридевять земель?

– До Вены? – на всякий случай переспросил Август. – Вы сказали – до Вены?

– Так точно, сударь, – весело промолвил артиллерист. – Посмотришь мир и заодно печаль свою развеешь. Ну так как?

– Но дело в том, – сконфуженно признался Добраницкий, – что у меня при себе совсем мало денег.

– Э, пустяки, – отмахнулся Балабуха. – У нас их хватит на всех. Решено: ты едешь с нами.

– Ну, раз вы так настаиваете... – Август пожал плечами. – Хотя, с другой стороны, почему бы и нет?

И на следующее утро в отремонтированном экипаже троица искателей приключений выехала по направлению к российско-австрийской границе, причем смотритель, вопреки своему обыкновению, дал им самых резвых лошадей. Все дело было в том, что не только Балабуха жаждал беседовать с Дуней об уланах, идущих в атаку, но и Август, хотя его сердечная рана была свежа как никогда, обратился к красавице за разъяснениями по тому же самому вопросу. Смотритель встревожился и решил, что чем дальше и чем скорее господа окажутся от станции (и от его дочери), тем лучше будет для всех. Поэтому экипаж был починен куда быстрее, чем обычно, и лошади нашлись в мгновение ока.

– А что вы собираетесь делать в Вене, господа? – спросил Добраницкий.

Балабуха кашлянул и покосился на Владимира, предоставляя тому право отвечать.

– У нас там друг, – объяснил Гиацинтов. – И, как на грех, он куда-то запропастился.

– Ничего, найдется, – успокоил их Август. – Вена – город веселый, а некоторые венки – очень даже хорошенькие штучки!

– А ты что, там был? – удивился Балабуха.

Добраницкий картинно закатил глаза.

– О! Куда только меня судьба не заносила!

Мимо путешественников текли хаты, плетни, равнины, цветущие деревья, верстовые столбы. Добраницкий высунулся в окно и громко выражал свое восхищение красотами окружающей природы. Он болтал, не закрывая рта, но – странное дело – почему-то его болтовня ничуть не утомляла, а наоборот, освежала, как хороший душ, хотя то и дело Августа, что называется, заносило. Судя по его речам, он объездил чуть ли не весь земной шар, был накоротке знаком со многими вельможами и при этом обнаружил такое знание цирковых фокусов, какое вряд ли приветствуется в высшем свете. Прямо на глазах у изумленных офицеров он продемонстрировал несколько трюков с картами и монетами, но тотчас же спохватился и стал говорить, что интересуется фокусами исключительно ради развлечения, чтобы была возможность развлечь дам, когда им скучно.

– И не жаль тебе, что ты уже не увидишь свою зазнобу? – поддразнил его Балабуха.

Добраницкий вздохнул.

– Катеньку-то? Да, Катеньку очень жаль!

– Ты же вроде говорил, что ее Машей зовут, – заметил Владимир.

– Правда? – искренне поразился Август. – Ну да, сначала была Катенька, а Маша – потом. То есть наоборот. Сперва – Маша, потом – Катя, а после Кати... Ну, это не в счет.

Невольно Владимир насторожился.

– Скажи, Август... Ведь ты же вроде поляк, а по-русски говоришь почти без акцента. Как это?

– Я всегда был способным к языкам, – объяснил Добраницкий. – Мой дядя епископ... я говорил вам, что у меня дядя – епископ? Так вот, он всегда твердил, что мне надо идти в священники, потому что у меня язык хорошо подвешен и я умею беседовать со всяким. Я и при дворе бывал, то есть при разных дворах...

– Неужели? – протянул Балабуха, от которого не укрылась реакция Гиацинтова. – И как там, при разных дворах?

– По-разному, – вывернулся Август, чувствуя, что разговор переходит на скользкую почву. – Но придворная жизнь вообще не для меня. Вот путешествия я люблю. Новые люди, новые впечатления...

Экипаж подпрыгнул на очередном ухабе, и Добраницкого мотнуло к стенке. Он охнул и поднес руку к голове.

– Что, больно? – посочувствовал Балабуха.

– И не говорите! – пылко воскликнул Август. – Эти канделябры – ужасно тяжелые штуки! И внезапно в карете наступило вязкое, как желе, молчание.

– Постой-постой, – подозрительно проговорил Владимир. – Это какие еще канделябры? Добраницкий замялся, но отступить было некуда.

– Э... ну... Те, которыми меня дворня отколотила. Я вам же рассказывал!

– То есть они взяли канделябры, – очень вежливо промолвил Балабуха, – потом засели в кустиках, чтобы, значит, тебя подстеречь...

– При чем тут кустики, – рассердился Добраницкий, – все было в большой гостинной, просто...

Тут он понял, что проговорился, и прикусил язык. Но было уже поздно.

– Август, скажи мне честно, – потребовал Балабуха, ухмыляясь. – Ты что, шулер? Потому что никого другого канделябрами не лупят, насколько мне известно.

– Что вы выдумываете, господа, – обиделся поляк. – Уверю вас, я пострадал за честь дамы!

– Ага, за честь дамы треп! Знаем мы вас!

– Господа, клянусь, вы ошибаетесь! Просто Лизонька...

– Так-так, уже Лизонька появилась! Кстати, когда она была – до Маши с Катей или после?

– Нет, Лизонька была после Оленьки... или до?

– Ха-ха, драгун, я так и знал! – веселился Антон, подмигивая Гиацинтову. – А эта Лизонька часом не присутствовала, когда тебя канделябрами вразумляли?

– Ну, если хотите знать, – сердито вскричал Август, – то вот вам! Не было там никакой Лизоньки или тем более Оленьки! Просто меня занесло в гости к одному здешнему помещику, который без карт жить не может... составила компания, сели играть, и тут я заметил, что один из игроков плутует. Он понял, что я сейчас его выдам, и подбросил мне крапленые карты.

– То есть ты не плутовал? – спросил Балабуха, про себя дивясь изворотливости их нового знакомого, который никак не хотел сознаваться в своем ремесле. – И ты не шулер?

– Нет, я не шулер! – оскорбленно ответил Добраницкий. – Могу поклясться... чем могу поклясться? Да хотя бы здоровьем своей невесты, вот! Чтоб ей жить долго и счастливо...

– А откуда же ты знаешь такие карточные приемы, как те, которые только что нам показывал?

– Оттуда, что я часто играю! Потому и выучил наизусть все нечестные фокусы, чтобы никто не смог меня... как это у вас говорится... обьегорить.

– Антон, ей-богу, ну нельзя же быть таким недоверчивым, – вмешался Владимир. – Словом, шулер подбросил тебе карты и...

– И поднял крик, что я плутую! А эти канделябры, бронзовые, фунтов по десять каждый... И ведь главное, верных шесть тысяч было у меня в кармане! Совершенно честно, заметьте, без всякого плутовства! Но уж кто родился под несчастливой звездой... тому ни в чем не везет! Ни в любви, ни в картах! Так что, господа, приготовьтесь к худшему! Вы подобрали самого невезучего человека в Российской империи, которому никогда ничего не удастся. Словом, если вы хотите живыми добраться до Вены, то лучше вам посадить меня прямо тут, на дороге, потому что со мной вам ни в чем не будет удачи! Такой уж я уродился!

Он отвернулся, скрывая слезы. Балабуха смущенно кашлянул в кулак.

– Знаешь, Август, – признался Гиацинтов после небольшой паузы, – мы вообще-то тоже не очень везучие. Правда, Антон?

– Ага, – вздохнул Балабуха. – Скажу тебе больше, Август: таких неудачников, как мы, ты точно еще не встречал.

– Правда? – недоверчиво спросил поляк, переводя взгляд с усатого гиганта на изящного Гиацинтова с тонким лицом.

– Правда, – подтвердил гигант. – Так что тебе, можно сказать, посчастливилось. Или наоборот.

И все трое засмеялись.

– Значит, мне можно остаться с вами? – приободрившись, спросил Август. – Вы меня не прогоните?

– Да оставайся, об чем речь, – сказал Балабуха, пожимая плечами. – Экий ты, Август, смешной все-таки!

И, хотя Добраницкий клялся, что такого несчастливца, как он, не сыскать, экипаж благополучно прибыл на станцию Яблоньки, от которой уже рукой было подать до австрийских владений. Посовещавшись, Добраницкого вписали в пашпорт Антона как его слугу, после чего перекусили и поехали дальше. На ночь путешественники остановились в небольшой гостинице.

нище, где водилось множество блох, но Август, выказав недюжинную смекалку, сумел где-то раздобыть персидского порошку, и трое друзей, а также Васька, смогли заснуть спокойно. Не спал только кучер, на которого не хватило порошку: он то и дело ворочался и вздыхал.

Утром путешественники сменили лошадей и вновь тронулись в путь. Через несколько часов они без всяких хлопот пересекли границу, и Российская империя осталась позади. Экипаж въехал на территорию Австрийской империи.

* * *

*Его превосходительству военному министру
графу Чернышёву в собственные руки.*

Донесение особого агента Сотникова.

Совершенно секретно, разглашению не подлежит.

Ваше превосходительство,

как и было мне поручено, я сопровождаю в Вену известных вам господ Б. и Г. Покамест все обстоит благополучно, они приняли меня за того, за кого я себя выдаю, и даже не подозревают, кем я являюсь на самом деле. Впрочем, если бы у них явилась хотя бы тень подозрения, я сумел бы легко развеять ее, ибо эти господа явно не семи пядей во лбу и имеют пагубное пристрастие верить каждому высказанному слову. Я мог бы привести вашему превосходительству поразительные доказательства сей нелепой привычки, но, так как я пишу свое донесение на последней российской станции перед границей, мне приходится поневоле поторопиться. Скажу лишь вашему превосходительству, что таким господам, как вышеупомянутые Б. и Г., не место в славных рядах нашей службы и что ваше превосходительство хорошо сделает, ежели по завершении миссии откажется от их услуг раз и навсегда.

Вскоре мы покидаем российскую территорию, однако при каждой удобной okazji я буду слать вашему превосходительству подробные донесения установленным порядком. Кроме того, имею довести до сведения вашего превосходительства, что экипаж, предоставленный для путешествия, оказался не так хорош, а лошади вообще никуда не годятся.

Засим остаюсь

*вашего превосходительства покорнейший слуга
агент Сотников.*

Глава 5

Явление лягушачьего оркестра. – Спасительная вывеска. – Расхожденья в императорах и роковые последствия таких расхождений. – Выстрел.

– Ужасно есть хочется, – повторил Балабуха во второй или третий раз.

Судя по звукам, раздававшимся в карете, внутри артиллериста прочно обосновался целый лягушачий оркестр, вдохновенно исполнявший какую-то болотную симфонию. Бурчание в желудке Антона порою становилось таким громким, что без труда заглушало стук колес.

– Кажется, там в корзине была копченая рыба, – несмело заметил Владимир. – И вишневая наливочка, которую мы купили еще перед границей.

Балабуха сердито покрутил головой.

– Да ты что, драгун? Все это уже давно Август слопал.

– Что, и наливку тоже? – вскинулся Гиацинтов.

– А наливку он первым делом оприходовал, – горько сказал Балабуха. – Губа не дура у этих поляков, доложу я тебе!

И он сердито покосился на Добраницкого, который, приоткрыв рот, спал счастливым сном. За время пути все его ссадины зажили, и даже здоровенный фингал под глазом почти прошел.

– Ладно, – решился Гиацинтов и высунул голову наружу. – Эй, Степан! Как увидишь какую-нибудь гостиницу или трактир, остановись. Артиллерия должна подзаправиться. – И он подмигнул Балабухе.

– Ну ты выдумашь тоже! – обиделся тот.

Экипаж въехал в небольшой городок и остановился перед двухэтажной гостиницей, на грубо намалеванной вывеске которой было выведено: «Золотой лев». Внизу под надписью красовалось изображение этого самого льва – настолько далекое от оригинала, что без надписи опознать этого зверя было бы весьма затруднительно.

– Август, – крикнул Владимир, – вставай!

– Ни за что и никогда, – быстро забормотал тот во сне, – ни за что на ней не женюсь! – Но он тут же открыл глаза и подскочил на месте. – А? Что? Где мы?

– Черт его знает, – прогудел Балабуха, пожимая мощными богатырскими плечами. – Вылезай!

Троица друзей выбралась из кареты, причем Август все время усиленно зевал и тер глаза (которые у него, кстати сказать, были небесно-голубого цвета).

– Перекусим и отправимся дальше, – объявил Гиацинтов. – Васька! Помоги кучеру с лошадьми.

В мрачном сводчатом зале сидели человек пять или шесть, не больше. Двое торговцев с длинными усами, офицер – гусар в доломане и красиво расшитом ментике, старый, похожий на моржа полковник с косым шрамом через все лицо, какая-то невзрачная личность в штатском и пьяница, который дремал в углу за столом, положив голову на руки. Грузный хозяин гостиницы переваливающейся походкой подошел к Гиацинтову и осведомился, чего желают господа.

– Выпить бы чего-нибудь, – сказал Балабуха, выразительно кашлянув и пригладив усы, – а то в горле совсем пересохло.

Хозяин понимающе кивнул и сказал, что у них есть превосходное токайское, а также мозельское, и еще...

– А водка?

Нет, водки нет. Не угодно ли господам токайского? Очень хорошее вино.

– Они что, сбесились? – проворчал Балабуха. – Даже водки не держат! Совсем пропащая гостиница!

– За границей водку не пьют, – вмешался Владимир.

– Вот те на! – удивился артиллерист. – А что же они пьют?

Гиацинтов пожал плечами.

– Вино.

– Ты что, смеешься надо мной? – недоверчиво спросил Балабуха. – Вино – это же слабенькая кислятина, тьфу!

– Антон, – сердито сказал Владимир, – уймись. Сначала нам надо чего-нибудь поесть... Что вы можете нам предложить?

Сошлись на жареном гусе, пироге с яблоками, паштете и бутылке токайского, после чего компания села за стол и стала ожидать, когда доставят заказ.

– Может, перекинемся в карты? – спросил Добраницкий, потирая руки.

– Раскладывай пасьянс, – осадил его Балабуха.

Август, который, как и все азартные игроки, ненавидел пасьянсы, подскочил на месте.

– Шутить изволите, господа! Пасьянс! Да чтоб того, кто эти пасьянсы придумал...

Но тут, щекоча ноздри райским ароматом, в зал вплыл жареный гусь на подносе, который несла ловкая русоволосая девица в подоткнутом фартуке, и Добраницкий сразу же забыл обо всем на свете. К его разочарованию, девица подошла сначала к Гиацинтову. Мало того, что она по несколько раз вытерла все его приборы, так плутовка еще собственноручно отрезала ему самую лучшую часть гуся, после чего не поленилась сбегать еще и за вином, напрочь проигнорировав при этом усатого артиллериста и голубоглазого поляка. Раз десять спросив, не нужно ли чего еще господину, и получив наконец заверения в том, что, если что-то понадобится, ее непременно позовут, девица удалилась, покачивая бедрами и то и дело оглядываясь на Владимира. Добраницкий и Балабуха только ошеломленно переглянулись.

– И чем он их берет? – проворчал артиллерист, принимаясь за еду. – Не пойму!

Однако он вскоре забыл о своей обиде, потому что токайское и в самом деле оказалось самого лучшего качества и золотом искрилось в бокалах.

– Ну, за что пьем? – спросил Балабуха, поднимая бокал.

– За нас, – просто предложил Владимир. Добраницкий от избытка чувств только согласно кивнул.

– Господа, – громогласно заявил гусар за соседним столом, – предлагаю всем присутствующим выпить за императора Фердинанда, да хранит его бог! Гип-гип, ура!

Гиацинтов поморщился и отставил бокал. Балабуха, ничего не заметив, залпом опрокинул свой и одобрительно крякнул.

– Недурственно, – объявил он, принимаясь за гуся.

– А вы что же не пьете? – спросил раскрасневшийся гусар у Владимира. – За императора Фердинанда, сударь!

Владимир спокойно улыбнулся.

– Простите, сударь, но я не подданный его величества. И вообще, у меня совершенно другой император.

– А-а, – вызывающе протянул гусар. – Вот оно что! Значит, нашим императором вы брезгуете?

– Почему брезгую? – удивился Владимир. – Я ему не подданный, с какой стати мне пить за него?

Август замер, держа в руке недопитый бокал. Как человек, побывавший во множестве передраг, он первым почувствовал, что разговор плавно скатывается к банальной ссоре, а ссоры в те времена имели обыкновение заканчиваться очень и очень плохо.

– Сударь, – вспыхнул гусар, – вы невежа!

Глаза Владимира сузились.

– А вы, сударь, попросту пьяный дурак, – не сдержавшись, выпалил он.

И тут в гостиничном зале наступила тишина. Слышно было только, как чирикает под потолком воробей, несколько минут назад влетевший в распахнутое окно.

– Так, – сказал гусар в пространство. – Это, сударь, серьезное оскорбление.

– Не знал, что правда так оскорбляет, – парировал Владимир.

– Вы ответите за это!

– Да ради бога. – И Гиацинтов, пожав плечами, принялся за паштет.

– Я вызываю вас! Если, конечно, вы в состоянии драться, – презрительно добавил офицер. – На крестьянина вы все же не похожи.

– Господа! – попытался вмешаться хозяин. – Господа! Помилосердствуйте...

– Не волнуйтесь, – сказал ему полковник со шрамом через лицо, – все по законам чести. Господина Ферзена оскорбили, и он имеет полное право требовать удовлетворения.

Гусар повернулся к нему и церемонно поклонился.

– Рад, что вы на моей стороне, сударь. Прошу оказать мне честь быть моим секундантом.

– С удовольствием, – отвечал полковник. – Однако, может быть, господин пожелает извиниться?

– И не подумаю, – ответил Гиацинтов заносчиво.

Надо сказать, что такое поведение вовсе не было привычно для Владимира. По натуре он был довольно мягок и уступчив, тогда как среди его полковых товарищей в чести были задиристость, нахрапистость и даже наглость. Но у Гиацинтова имелось одно свойство: он на дух не выносил самоуверенных глупцов, таких, как этот Ферзен. Кроме того, он считал, что, раз ввязавшись в драку, отступать назад бесполезно. Блестя светлыми глазами, Владимир перегнулся через стол к опешившему артиллеристу.

– Антон! Будешь моим секундантом?

– Да ты что? – сказал Балабуха, багровея. – Какие дуэли, Владимир Сергеич? Мы ведь на службе, пойми! Нам запрещено...

– Значит, не будешь, – безжалостно перебил его Гиацинтов. – Август! Ты ведь, кажется, дворянин?

– Потомственный шляхтич, – гордо объявил Добраницкий, выпятив грудь. – Если хочешь знать, родился я на год раньше, я бы вообще был сейчас графом. Но мой старший брат, чтоб ему жить долго и счастливо...

– Твою родню мы обсудим как-нибудь в другой раз, ладно? Пока скажи вот что: ты будешь моим секундантом?

– Где?

– На дуэли с этим гусаром. – И Владимир кивнул на подбоченившегося Ферзена.

– Ой, – несмело сказал Добраницкий. – Дуэль – это же... Вы что же, будете убивать друг друга?

– Вроде того, – подтвердил Владимир.

– До смерти? – жалобно спросил Август.

– А это уж как получится, – прогудел Балабуха. – И вообще, это смешно! Какой из тебя секундант, Август?

– Попрошу не задевать мою честь неуместными замечаниями! – вспыхнул поляк. – Не бойся, Владимир Сергеич, я с тобой. Можешь на меня положиться, я все сделаю как надо.

– Вот и прекрасно, – отозвался Владимир. – Значит, решено.

Балабуха надулся и устался в тарелку. К офицерам подошел полковник со шрамом.

– Позвольте представиться, полковник Людвиг Моргенштерн, – сказал он и чрезвычайно внимательно посмотрел на Владимира. – А вы, милостивый государь...

Гиацинтов назвал себя и своего секунданта.

– Вы задели господина Ферзена, – объявил полковник. – Поскольку он является оскорбленной стороной, то выбор оружия принадлежит ему. Напоминаю обеим сторонам, что, согласно правилам, с этого мгновения противники не имеют права общаться друг с другом иначе, как через посредство секундантов. – И он выдержал многозначительную паузу, словно ожидал услышать возражения, но никто не проронил в ответ ни слова. Август как ни в чем не бывало довершал истребление гусиной ножки, а Владимир хмуро смотрел куда-то мимо тарелки.

Балабуха толкнул плечом Добраницкого.

– Ну что, секундант? Иди договаривайся об условиях дуэли.

– Каких еще условиях? – испугался Август.

– Кто доставит оружие и прочее, – просипел артиллерист и сделал страшные глаза. – Ну!

С явной неохотой Добраницкий поднялся с места и вместе с Моргенштерном отошел в угол зала. Двое мужчин о чем-то заговорили вполголоса. Впрочем, говорил в основном полковник, Август же только кивал, со всем соглашаясь. Через несколько минут Добраницкий вернулся.

– Он предложил стреляться на пистолетах, – объявил поляк. – Барьеры на двенадцати шагах, оружие доставит он.

– И ты согласился? – вскипел Балабуха. – Владимир же плохо стреляет! Этот гусь гусарский уложит его, как малую птичку! Эх!

– Мне что, отменять наши договоренности? – несмело спросил Август.

– Нет, – коротко ответил Владимир. – Скажи ему, встречаемся через полчаса позади дома.

– Что, так торопитесь в рай? – язвительно осведомился гусар, слышавший его слова.

– Нет, – сухо отозвался Гиацинтов. – Мне и моим спутникам надо ехать дальше. Впрочем, если вы боитесь...

– Все, кто меня знает, могут подтвердить, что Иоганну Ферзену страх неведом, – напыщенно объявил гусар. – Что ж, через полчаса так через полчаса.

Он переглянулся с полковником и с завидным хладнокровием принялся за еду.

– Вольдемар, ты спятил? – рассердился Балабуха. – Это же против правил! Вы не должны говорить друг с другом!

– Тебя только это заботит? – парировал Владимир. – Налей-ка мне лучше еще стаканчик токайского.

– Бутылка пустая, – с отвращением доложил артиллерист. – Август все вылакал.

Он швырнул вилку в тарелку и яростно взъерошил свои короткие темные волосы.

– Ну ладно, – сказал Балабуха, немного успокоившись. – Если что случится, я сам вызову этого гусара плюгавого и отправлю его к праотцам. Пусть знает впредь, как цепляться к порядочным людям!

Гусар и впрямь не блистал красотой. Он был маленький, жилистый, с узким лобиком и пушистыми рыжеватыми усами. Физиономия у него была хитрая и, как показалось Балабухе, довольно-таки гадкая. Впрочем, следует учесть то, что по известной читателю причине Балабуха недолюбливал всех гусаров без исключения.

Ровно через час дуэлянты и их секунданты собрались на маленьком лужке позади гостиницы. Полковник Моргенштерн принес пистолеты в изящном футляре, обитом алым бархатом, и отмерил 12 шагов между барьерами. Был ясный погожий день, и только несколько кудрявых облачков кое-где висели в ярко-синем небе. В высокой траве стрекотали кузнечики.

– Ну что ж, – важно изрек полковник, – пора заряжать оружие.

Он взял один пистолет, Добраницкий – другой, причем едва не уронил его – до того игрок боялся всякого оружия. Глядя, как Моргенштерн заряжает пистолет, Август дрожащими

руками стал насыпать порох, причем даже не заметил, как насыпал слишком много. По его лицу крупными каплями катился пот. Владимир же, наоборот, внешне выглядел невозмутимо спокойным, хотя сердце так и колотилось у него в груди.

«Гусеница ползет по травинке... Какая она смешная... – Он бросил взгляд на своего противника. – Какое важное лицо у этого Ферзена... Можно подумать, он готовится совершить какой-то подвиг. Ну вот, уже кончили заряжать пистолеты, полковник кладет их в ящик... Пора!»

– Прошу, господа, – сказал полковник, подойдя к ним и протягивая открытый футляр, в котором валетом покоились заряженные стволы. Гусар взял ближайший пистолет, Владимир – тот, который остался. Его вдруг охватило странное безразличие.

«Неужели можно умереть? Вот так просто? Ничего больше не видеть, не чувствовать, никого не любить, не страдать... просто уйти, стать никем и ничем...»

– По местам, господа! – торжественно произнес полковник; по его лицу было видно, что он прямо-таки наслаждается своей ролью. – Как только я взмахну шляпой, сходитесь!

Балабуха, стоя у окна гостиницы, видел внизу перед собой ярко-зеленый луг и на нем четыре фигуры. Моргенштерн и Добраницкий стояли рядом, а оба противника заняли исходные позиции. Барьеры были обозначены двумя саблями, на лезвиях которых играло солнце, и лучи его зажигали в темно-каштановых волосах Владимира золотые нити. Солнечный зайчик скакнул по лицу гусара, тот поморщился, дернул головой.

«Черт! – думал Балабуха. – Никогда не замечал, что Владимир такой высокий... Слишком хорошая мишень!»

Его руки сами собой сжались в кулаки.

На лугу полковник взмахнул шляпой. Август, стоя позади него, утирал пот, который ручьями катился по его бледному, взволнованному лицу.

– Сходитесь!

Добраницкий вздрогнул и уронил платок, которым вытирал лицо, поднял его, но в следующее мгновение уронил снова. Теперь, когда Гиацинтов шел вперед, двигаясь, может быть, напрямик к своей смерти, этот непокорный лоскут ткани показался ему, бог весть отчего, ужасно смешным. Он улыбнулся и пропустил момент, когда, не дойдя до барьера одного шага, гусар неожиданно зажмурил один глаз и прицелился.

– Боком! – заорал Балабуха, не помня себя. – Боком становись! Рукой закройся! А, черт подери!

Владимир удивленно поднял глаза, и в следующее мгновение грянул выстрел.

Вслед за этим послышался нечеловеческий вопль, и Иоганн Ферзен, как-то по-собачьи подвывая, осел на траву.

К нему бросились секунданты. Владимир, ничего не понимая, переводил взгляд с раненого на пистолет в своей руке. Он совершенно точно помнил, что даже не успел выстрелить.

– Рука! – выл гусар. – Моя рука! А-а!

Пистолет (очевидно, тот самый, в который Добраницкий насыпал двойную порцию пороха) взорвался у него в руке. Взрывом Ферзену оторвало три пальца.

Поняв, что именно произошло, Август приободрился и подошел к Владимиру.

– Наша взяла, – доложил поляк, блестя глазами. – Похоже, что дуэль окончена!

– А что там случилось все-таки? – несмело спросил Владимир.

– Да похоже, что пистолет был неисправен, – беззаботно отвечал Добраницкий.

Из руки Ферзена хлестала кровь. Его секундант приблизился к Гиацинтову, извинился и сказал, что дуэль не может иметь продолжения.

– Фу, слава богу, – сказал Владимир по-русски, отдавая полковнику пистолет. – Мне очень жаль, конечно... Идем, Август.

Друзья вернулись в гостиницу, где их уже ждал Балабуха. Ферзена, который от боли потерял сознание, перенесли в свободную комнату, и хозяин вызвал к нему врача.

– Все в порядке? – спросил Балабуха. – Господи, как я рад!

И от избытка чувств он стиснул в объятиях сначала Гиацинтова, а потом маленького Августа, который только жалобно пискнул, когда его сдавили мощные лапы артиллериста.

– Ей-же-ей, – сказал Балабуха, отпустив его и грозя ему пальцем, – ты, каналья, пересыпал пороху! Ну, повезло тебе, что тот пистолет попал к гусару, не то я бы шею тебе свернул!

– Антон Григорьевич, – оскорбился Август, – да что вы такое мелете! Да я бывалый секундант, и сам на дуэлях дрался! Стыдно, честное слово!

– Врун, – проворчал Балабуха. – Врун, а молодец! Ну что, друзья, вернемся и раздавим еще одну бутылочку токайского? Больно мне это вино по душе пришлось!

– Выпьем! – подхватил Добраницкий. – За победу!

– За победу! – И Балабуха, обняв друзей за плечи, увлек их в зал.

...В то время как они заказали еще одного гуся и принялись пировать, в комнату к измученному, бледному Ферзену заглянула невзрачная личность в штатском, которая давеча сидела в общем зале.

– Ну что, Иоганн? – холодно спросила личность. В ее речи слышался заметный иностранный акцент. – Так я и знал, что ты не справишься. Растяпа!

Гусар приоткрыл глаза и жалобно что-то промямлил.

– Тебя, кажется, ясно предупредили, – продолжала личность. – Они ехали по этой дороге и никак не могли миновать «Золотой лев». От тебя требовалось лишь что? Вызвать главного на дуэль и разделаться с ним. А что теперь? Лежишь тут, как свинья, и истекаешь кровью. Тоже мне, храбрец!

Ферзен облизнул пересохшие губы кончиком языка.

– Я... я все сделаю, – проговорил он, запинаясь от волнения и боли. – Можете мне верить! Если уж я взялся... Я знаю все, все! И задаток... Я его непременно отработаю!

Личность покачала головой.

– Нет, – сказала она медленно. – Ты нам больше не нужен. Теперь мы будем действовать наверняка. Эти господа не доедут до Вены. А ты пока, – обратился говорящий к гусару, – лежи, поправляйся. А не поправишься, можешь сдохнуть. Все равно от тебя никакого проку.

И личность, по-змеиному улыбнувшись, покинула комнату. Раненый проводил ее измученным взглядом и закрыл глаза.

* * *

*Его превосходительству
военному министру Чернышёву.
От особого агента Сотникова.
Совершенно секретно.*

*Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что в приграничном австрийском городке господа Г. и Б. напились до такой степени, что оскорбили патриотические чувства гусара 16-го полка господина Иоганна Ферзена, который был вынужден вызвать одного из забияк, а именно господина Г., на дуэль. За исход оной дуэли господину Г., который лыка не вязал и не мог удержать в руках пистолета, надо, вне всяких сомнений, благодарить само небо, ибо пистолет господина Ферзена взорвался во время выстрела, вследствие чего продолжение дуэли сделалось решительно невозможным. Чем далее еду я с этими господами, тем более на них дивлюсь, ибо никогда прежде не встречал офицеров, с такой легкостью готовых запятнать честь своего мундира неблагоприятными поступками. Засим остаюсь
вашего превосходительства*

*верный, преданный и покорнейший слуга,
агент Сотников.*

Глава 6

Таинственная Полина Степановна. – Как горничная Маша потеряла дар речи и вновь обрела его в самый подходящий момент. – Тайна желтого чемоданчика. – Приключение в «Золотом льве».

– Должна сказать, что я нахожу ее совершенно невзрачной особой, – сказала Полина Степановна, глядя на маленький портрет, который она держала в руке. – И волосы черные! Нет, ну что мне делать с черными волосами?

Пока наши герои тряслись в скверной карете по буеракам и колдобинам Российской империи, которые в ней по неизвестной причине именуются дорогами, таинственная собеседница военного министра с комфортом передвигалась в превосходном экипаже, запряженном резвыми лошадьми. Верная привычке всем запастись заранее, Полина Степановна захватила с собой невероятное количество вещей на все случаи жизни, так что ее карета больше походила на Ноев ковчег в миниатюре. Помимо вещей, Полина взяла с собой горничную Машу, в которой была вполне уверена, и кучера Пахома, который выглядел так представительно, так величаво, что встречные экипажи нередко сами уступали им дорогу.

По пути между станциями Полина Степановна размышляла о том, как ей лучше всего взяться за исполнение своего задания, важность которого была ей отлично известна. Портрет, присланный неведомым агентом Кавериным с Мадейры, некоторым образом являлся частью ее миссии, и все же Полина была портретом недовольна. На нем изображалось вялое, невыразительное личико, обрамленное черными локонами, которые составляли разительный контраст с собственным цветом волос нашей героини.

– Полина Степановна, так ведь всегда можно надеть чужие волосы, – заметила Маша и, чтобы подкрепить свои слова, достала из чехла роскошный парик с тугими завитыми локонами. Полина поглядела на него и насупилась.

– Не люблю парики, они глупо смотрятся, – проворчала она. – И вообще черные волосы мне не идут.

– Вам все идет, – решительно объявила Маша, отлично знавшая свою госпожу.

– Ты, Машенька, врушка, – вздохнула Полина. – Но ничего не поделаешь, придется смириться с этим монстром... Давай сюда парик.

– Вот сюда напустить локоны и сюда, – говорила Маша, колдуя над париком, – и совсем не будет видно, что это не ваши волосы.

– Совсем? – недоверчиво спросила Полина.

– Ей-богу, сударыня!

– Подай зеркало, – капризно распорядилась молодая женщина.

Зеркало явилось и объявило, что Полина Степановна на свете всех милее, всех румяней и белее, а кому это не нравится, тот волен искать себе другую сказку.

– Ну... ничего, – проямлила Полина, вертя головой так и эдак, чтобы лучше разглядеть себя.

– Да что там, вы смотрите просто чудесно! – объявила Маша.

– Да уж, умеешь ты убеждать, – вздохнула ее госпожа и, отложив зеркало, принялась изучать досье с подробностями жизни своей будущей героини, которое Алексей Каверин также прислал с Мадейры.

Это был скучный перечень родственников, который следовало знать назубок, личных привычек (цвета, книги, любимая собачка в детстве) и прочих мелочей, которые могли в буду-

щем совершенно не пригодиться, но если ими пренебречь, могли и погубить. Полина Степановна отложила досье и покачала головой.

– И все-таки мне совершенно непонятно, что делать с тетушкой... И с тобой, Маша!

– А что я? – заволновалась горничная. – Я же всегда при вас, Полина Степановна! Разве я когда вас подводила?

– Не в этом дело, просто у венской барышни не может быть русской горничной. То есть она может быть, но это вызовет массу ненужных расспросов... и, конечно, подозрений.

– Вы хотите обойтись без меня? – обиженно спросила Маша, надув губы.

– Ты же не умеешь говорить по-немецки в совершенстве? Значит, будешь жить на отдельной квартире с Пахомом и встречаться со мной, только когда я прикажу.

– Полина Степановна! Ну я же по-французски умею... от вашего парикмахера выучилась... и по-немецки немножко... Неужели этого мало?

– Этого недостаточно, Машенька, – вздохнула Полина. – Вот если бы ты знала немецкий, как его знают жители страны, или хотя бы с грехом пополам португальский, чтобы я выдала тебя за свою горничную, которую я привезла с Мадейры, или...

Она задумалась.

– Или что? – поспешно спросила Маша.

– Или вообще не говорила бы, – закончила Полина.

– То есть была бы немая? – с надеждой спросила горничная.

Полина Степановна кивнула.

– Вот тогда я могла бы тебя оставить, а иначе...

– Так я больше ни слова не скажу! – торжественно объявила Маша. – Как только прибудем в Австрию, молчок! Ни словечка! И клещами из меня ничего не вытянут!

– Надо бы тогда потренироваться заранее, – с сомнением заметила практичная Полина. – Потому что кто привык разговаривать, тому трудно остановиться.

– Хорошо, – покорно ответила служанка. – Так я молчу?

– Ну, попробуй помолчать.

– Разговаривать мне нельзя, – оживилась Маша. – Ну а мычать хотя бы можно?

– Можно, – великодушно разрешила ее госпожа.

Она была уверена, что бойкая Маша, у которой был весьма острый язычок, не продержится и получаса, однако служанка и в самом деле погрузилась в молчание и не прерывала его. Решив ее испытать, Полина Степановна попросила:

– Маша, подай мне зеркало!

Маша закивала, что-то неразборчиво промычала и вручила госпоже зеркало.

– А что, – задумчиво промолвила Полина, – пожалуй, кое-что у нас может получиться. Маша, теперь слушай внимательно: я – человек, который хочет побольше узнать про твою госпожу. Теперь тебя зовут Мария, и на имя Маша ты откликаться не должна. Послушай-ка, Мария! Правда, что твоя мадемуазель ужасная зануда?

– Да ну вас! – оскорбилась Маша. – Сами вы зануды, каких поискать!

– Ага, Машенька, попалась! – покачала головой Полина Степановна. – Получается, ты все-таки не можешь меня сопровождать.

– Полина Степановна! Ну я клянусь... Я сегодня весь день буду молчать! Ни словечка больше не скажу!

– Маша, ты уже обещала и не сдержала свое слово!

– Нет, Полина Степановна, это другое! Испытайте меня еще раз!

– Хорошо, – с сомнением в голосе отозвалась ее собеседница. – Итак, еще раз. Мария, это правда, что твоя госпожа на редкость противная особа?

Маша в ответ замычала и затрясла головой.

– А, да ты немая! Что же госпожа тебя держит? Ты, верно, дурочка, да?

Маша открыла было рот, чтобы обидеться, но вовремя вспомнила, что говорить нельзя, и только развела руками, показывая полное смирение.

Видя, что Маша настроена решительно, Полина Степановна пошла в атаку и от лица мифического неизвестного принялась честить себя, Машу и Пахома на все корки. Но Маша только молчала, разве что лишь порою протестующе мычала и вообще казалась прямо-таки образцовой немой.

– Маша, честное слово, ты меня удивляешь, – призналась Полина Степановна. В следующее мгновение их экипаж издал какой-то сдавленный чавкающий звук, дернулся и остановился.

– Это еще что такое! – возмутилась Полина и высунулась наружу. – Пахом! Пахомушка, что там такое?

– Да лужа, сударыня! – ответил кучер с убитым видом.

– И что с ней, почему мы стоим? – изумилась Полина.

– Да это не лужа, – кипятился кучер, – это какое-то болото! А с виду лужа как лужа, кто же знал, что прямо на дороге у них такое... – Он поудобнее перехватил вожжи и хлестнул лошадей. – Но, родимые! Вывозите!

Но родимые не вывезли. Экипаж застрял в трясине крепко, и хуже всего было то, что эта трясина неведомым образом образовалась аккурат посреди дороги.

– Конечно, весенние дожди виноваты, – подытожила Полина Степановна, брезгливо оглядев желтоватую глинистую жижу, в которую их экипаж провалился на глубину чуть ли не в полметра. – И казнокрады, правительство же выделяет деньги на улучшение дорог, причем немалые!

Маша замычала и энергично закивала.

– Попытаюсь-ка я разгрузить экипаж, – объявил Пахом. – Вещичек-то у вас, сударыня, все-таки немало... вот они и мешают нам выбраться.

– Что значит немало? – вскинулась Полина. – Всего двадцать два чемодана... не считая мелких! Да я вообще, можно сказать, в этот раз ничего с собой не взяла!

Пахом, который знал, что по поводу вещей с госпожой препираться бесполезно, только покачал головой, после чего принялся отвязывать чемоданы и переносить их на обочину. Однако даже после того, как он снял все дорожные сундуки и помог Маше с Полиной Степановной выбраться из кареты, та не сдвинулась с места.

– Придется звать на помощь, – удрученно промолвил Пахом. – Крепко мы завязли, ох, крепко!

– Ну так зови, чего ты ждешь? – уже сердито ответила Полина Степановна.

Она была не на шутку раздосадована. В самом деле, прежде наша героиня была по части дорог исключительно удачлива. В своих многочисленных путешествиях она почти никогда не попадала в передрыги, подобные этой. Да, бывало, что экипаж застревал на полпути, что какие-то мелочи ломались, но все налаживалось с прямо-таки необыкновенной быстротой.

В этот раз, впрочем, никакой быстроты не предвиделось, зато неподалеку собрались зеваки – мужики и несколько мальчишек, которые наперебой давали свои советы по поводу того, как следует вытаскивать экипаж, и обменивались замечаниями, на их взгляд, крайне глубокомысленными, а на взгляд Полины – донельзя нелепыми.

– А карета-то, карета!

– Эх какая игрушечка, англинская, небось!

– То-то и оно, что англинская, для наших дорог не приспособленная.

– Главное, чтобы колеса остались целы, а то в прошлом месяце тут тоже бричка барина увязла.

– Да что там увязла, чуть ли не утопла...

– Вместе с чиновником, хе! А он по казенной надобности, значит...

Наконец с помощью нескольких дюжих мужиков, которые согласились за деньги толкать экипаж сзади, в то время как Пахом понукал лошадей, удалось кое-как извлечь карету из трясины, в которую она угодила. Однако тут выяснилось, что оба передних колеса нуждаются в починке, а вся нижняя часть кареты – в основательной чистке от жижи, которая налипла на нее и принялась стремительно засыхать под ярким солнцем, попутно приобретая крепость цемента.

– Верьте слову, сударыня, – молвил утомленный Пахом, – никак, ну никак нельзя ехать дальше! Чиниться надо.

– А вы езжайте на постоянный двор, – посоветовал один из мужиков. – Там рядом и кузнец есть, и передохнуть можно с дороги-то!

Деятельная Полина Степановна, которая терпеть не могла отдыхать, все же была вынуждена согласиться, тем более что двор оказался всего лишь в половине версты отсюда. Однако, когда многострадальная карета наконец достигла двора, хозяин объявил, что кузнец и вообще мастер на все руки Ванька куда-то отлучился, потому как у господ, ехавших по соседней дороге, тоже приключилась оказия с экипажем.

Тут у Полины Степановны сделалось такое лицо, что даже Пахом крикнул, почесал в затылке и счел за благо убраться подальше. Маша что-то промычала, обращаясь к госпоже.

– Ах, да прекрати ты, в самом деле! – сердито вскричала Полина и топнула ногой.

Кипя от раздражения, она проследовала в дом, а Маша отправилась проследить за вещами и, если понадобится, помочь Пахому отчистить экипаж от грязи.

– Вишь, а горничная-то немая, – сказал вихрастый половой Степашка, обращаясь к своему товарищу. – А барыня на нее кричит, значит... Нехорошо!

Хорошенькая востроглазая Маша сразу же пришлась ему по сердцу, и через некоторое время он отправился посмотреть, как она устроилась. Он застал такую картину: Маша одиноко сидела на гряде чемоданов, больше напоминающей гору Арарат, а в десятке шагов от нее Пахом, который свято верил, что никто, кроме него, не имеет права заниматься лошадьми или каретой, чистил колеса и днище от грязи.

– Здравствуйте, красавица, – сказал Степашка Маше, улыбаясь во весь рот. – Как это вы удачно к нам заехали!

Пахом мрачно покосился на него и стал скрести с удвоенной силой.

В это время на двор влетела тройка, тащившая коляску, в которой ехал сдобный, румяный, одетый с иголочки молодой человек с каштановыми волосами, расчесанными со всем возможным тщанием, и усами, которые обличали в их обладателе заправского франта. На пухлых румяных устах молодого человека застыла восторженная улыбка, которая была так крепко к ним привинчена, что никогда их не покидала. Что бы ни говорил Андрей Андреич Мериносов (а вновь прибывший звался именно так), выражал ли он соболезнование, молился ли, разговаривал с вышестоящими или с простыми мужиками – улыбка не сходила с его лица, даже когда обстоятельства вовсе не располагали к тому, чтобы улыбаться.

– Что, опять беда? – вскричал он. – И кто же? Мне говорили, какие-то путешественники, но от этого Ерошки толком ничего не добьешься!

Кабатчик доложил ему, что в лужу на дороге провалился экипаж какой-то барыни или барышни, толком не разберешь, но хорошенькая и сердитая, аж жуть. При этих словах Мериносов почему-то слегка пригасил свою улыбку.

– Гм... Пожалуй, пойду-ка я представлюсь ей. Вдруг ей что-нибудь понадобится...

– А вы давно у госпожи своей служите? – выспрашивал тем временем Степашка у Маши, горя любопытством.

Маша подумала и сделала широкий неопределенный жест.

– Что, с детства? – догадался Степашка. Маша энергично кивнула и стала подниматься с чемоданов.

– Это ты зря торопишься, – успокоил ее Степашка. – Я только что слышал колокольчик Андрей Андреича. Если он твою госпожу возьмет в оборот, она еще долго отсюда не уедет.

– Ы! – искренне удивилась Маша, делая большие глаза.

– Ага, – подтвердил Степашка и, зачем-то понизив голос и оглянувшись на Пахома, стал рассказывать о Мериносове.

Меж тем улыбчивый Андрей Андреич расшаркался перед Полиной Степановной, выказал намерение приложиться к ручке и как бы между делом попытался выведать ее обстоятельства: куда она путешествует, зачем и почему. Полина, которой Мериносов инстинктивно не понравился с первого взгляда, отвечала уклончиво, но ее собеседник не отставал.

– А экипаж у вас какой богатый, – говорил Мериносов, косясь за окно. – Жаль, как жаль, что Ванька уехал! Вы не хотите отведать здешней ухи? Наш хозяин так ее готовит, что просто ах! – И он выразительно поцеловал кончики своих пальцев.

Но Полина Степановна, у которой рыба всегда ассоциировалась с чем-то костистым и малоэстетичным, твердым голосом уху отвергла.

– Однако, если не починят экипаж, вам уж верно придется тут заночевать, – сказал Мериносов, улыбаясь еще шире. – Почему бы тогда не попробовать заодно и ушицы?

Еще более твердым, прямо-таки стальным голосом Полина Степановна выразила надежду, что экипаж починят непременно, что избавит ее от ночлега в этом облюбованном насекомыми месте.

– А не то я буду жаловаться! – закончила она, сверкая глазами. – Государю императору!

«Эк куда хватила!» – помыслил Андрей Андреич, счастливо улыбаясь. Бедняге было невдомек, что при желании Полина Степановна могла пожаловаться хоть обер-прокурору Святейшего синода, хоть главнокомандующему российской армии, хоть его императорскому величеству, причем все эти лица выслушали бы ее самым внимательным образом.

Тут явилась немая Маша и стала подавать госпоже какие-то знаки. Радуюсь, что горничная догадалась избавить ее от общества этого невыносимого типа, Полина поднялась с места и, наскоро извинившись, проследовала за Машей. Однако за порогом горничная вовсе не обрела языка, а стала махать руками и делать какие-то маловразумительные знаки.

– Маша, мне это надоело, – сердито сказала Полина Степановна. – Условимся так: немая ты только для всех остальных, а со мной, когда никого нет поблизости, говоришь, как обычно. Ну?

Маша вздохнула и опустила руки.

– Сударыня, – горячо прошептала она, – у них тут заговор!

– Против кого? – остолбенела Полина.

– Против вас, – горестно объявила Маша. – И всех проезжающих. Тут, видите ли, две дороги, и та, по которой поехали мы, короче. А неподалеку тут живет помещик Мериносов...

– И?

– Ему принадлежит местная земля. И этот постоялый двор – тоже его.

– И?

– Так лужа на дороге – как раз его рук дело! С виду она такая неприметная, но если в нее попадешь, уже не выберешься. И все экипажи ломаются, которые туда попадают... А когда карета ломается, вам волей-неволей приходится ехать на ближайший постоялый двор, ждать кузнеца, платить ему... Вы заказываете обед, потом ужин... за комнату платите... в карты играете...

– В карты? – спросила Полина Степановна таким тоном, что Маша невольно затрепетала. – В какие еще карты?

– Ну, если бы вы были мужчиной, вы бы играли в карты, от скуки, – объяснила Маша. – С Мериносовым. Если предстоит большая игра, так он прямо к себе зазывает, в имение... От него только что как раз очередные путешественники уехали, да еще какой-то господин

попался, который путешествовал по своей надобности... Тот господин играл нечисто, и его того... проучили маленько... Да только остальные господа, судя по всему, были не лучше. Они Мериносова чуть не обставили...

Полина Степановна тяжело вздохнула. Вот вам и объяснение всему: яме на казенной дороге, услужливым мужикам, которые наперебой советовали ей именно этот постоянный двор, улыбчивому Андрею Андреичу...

– Знаешь что, Маша, – распорядилась Полина, – достань-ка мой маленький чемоданчик. Который желтенький такой... Да, и скажи мне вот что: откуда ты все это узнала?

– Да от слуги, Степашки, – отвечала Маша. – Он видит, что я немая, ну и... разболтал мне все, думая, что дальше меня уж точно не пойдет. Видите, как полезно иной раз быть немой?

Когда Полина Степановна вернулась в дом, Андрею Андреичу сразу же бросилась в глаза произошедшая в ней перемена. Молодая женщина объявила, что экипаж починят неизвестно когда, стало быть, ей все-таки придется отведать здешней ухи, и она искренне надеется, что господин Мериносов составит ей компанию. Очень жаль, конечно, что ей нечем себя занять в ожидании кузнеца. Будь здесь ее муж, она бы с удовольствием сыграла с ним в карты... так, по-дружески.

– О, сударыня, – оживился Андрей Андреич, – так вы играете в карты?

И, потирая свои маленькие выхоленные ручки, шепотом велел хозяину распорядиться насчет ухи, да чтобы та была погуще и повкуснее.

Полина отдала ухе должное, после чего Маша принесла нераспечатанные колоды карт, выуженные из того самого желтого чемоданчика.

– Сыграем по маленькой? – с надеждой предложил Андрей Андреич, искрясь медоточивой улыбкой.

– Отчего же не сыграть? – отвечала Полина Степановна. – Только учтите: много вы у меня выиграть не сможете, потому как я женщина бедная.

«Знаем, знаем мы твою бедность! – улыбнулся Мериносов. – Вон экипаж какой ладный, небось не одну сотню рублей стоит... Такие даже в Петербурге и то нечасто попадаются!»

– Ну-с, начнем, – предложил он, вскрывая колоду.

Полина Степановна начала и, к величайшему своему удовольствию, выиграла три гривенника. Потом проиграла пару рублей, потом один отыграла, потом проиграла снова. День клонился к вечеру, хозяин по знаку Мериносова принес свечи и удалился. Полина играла, выигрывала и проигрывала, следя за тем, когда именно Мериносов дает ей выигрывать, чтобы поддержать в ней интерес к игре. Куча золота и серебра перед Андреем Андреичем все росла и росла, и все шире и самодовольнее становилась его улыбка. Полина Степановна раскраснелась и твердила, что вот прямо сейчас она все отыграет. Хозяин, уже давно привыкший к подобным сценам, помалкивал да улыбался в усы. Уже на кону были последние сто рублей Полины Степановны, уже должна была она неминуемо пойти ко дну, как подстреленный коварным пиратом королевский фрегат. И тут случилось чудо: Полина отыгралась, потом еще раз, и еще, и еще. Хозяин и слуги, собравшиеся в зале, остолбенели... Они не понимали, что происходит. Под конец Полина Степановна выиграла все, даже два рубля, проигранные вначале, и хладнокровно сгребла деньги в ридикюль.

– Многоуважаемая, – простонал Андрей Андреич, который не верил своим глазам, – вы невероятно везучи! Смею ли я просить о том, чтобы отыгаться? На сей раз играем моими картами, – добавил он как бы невзначай.

Волосы его, лежавшие гладко, когда он только приехал, теперь стояли дыбом от напряжения, словно невидимые карточные черти весь вечер немилосердно таскали его за вихры.

– Отчего же не отыгаться? – отвечала Полина с любезнейшей улыбкой.

И, воспрянув духом, Андрей Андреич послал Степашку за своей особенной колодой, которая уже принесла ему не одну сотню рублей. Полина Степановна, извинившись, отлучи-

лась на несколько минут и по возвращении столкнулась со Степашкой в дверях. Ни половой, ни хозяин, ни Мериносов не обратили на это никакого внимания. Дрожащими руками Андрей Андреич распечатал колоду.

– Три тысячи рублей! – объявил он.

– Это почти все, что я у вас выиграла, – хладнокровно заметила Полина Степановна. – Но эти деньги теперь мои, а у вас есть 3000 рублей? Предупреждаю вас, на честное слово я не играю и векселя не принимаю.

Пришлось послать за деньгами – заначкой, которую Андрей Андреич хранил на черный день. И, едва он увидел свои карты, Мериносов понял, что этот черный день наступил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.